

Георгий Хуцишвили

Труды по Философии

Книга V

Материал для издания подготовила
НИНА ЦИХИСТАВИ-ХУЦИШВИЛИ

Тбилиси
2018

UDC (უკუ) 1 (045)
X - 98

Георгий Хуцишвили

Труды по Философии

Книга V

В V книге «Георгий Хуцишвили: Труды по философии» представлены избранные научные работы 1980-х годов грузинского ученого и общественного деятеля, доктора философских наук, профессора Георгия Хуцишвили (1948-2013). В книге издаются те монографии, за которые ему были присуждены ученые степени кандидата и доктора философских наук, а так же, статья и рассказ, многократно переиздававшийся в философских журналах. Книга предназначена для ученых в области философии, а так же для широкого круга читателей.

Редактор, составитель: **Нина Цихистави-Хуцишвили**

Дизайн: **Нина Цихистави-Хуцишвили**

Верстка и дизайн: **Александр Джигуридзе**

Книга издана при финансовой поддержке Международного центра по конфликтам и переговорам (ICCN).

На обложке: Георгий Хуцишвили, 1972 г.

© Нина Цихистави-Хуцишвили, 2018 г.

ISBN 978-9941-9483-4-3

СОДЕРЖАНИЕ

О ГЕОРГИИ И ЕГО КНИГЕ.....	VII
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	1
ГЕНЕЗИС СТРУКТУРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	7
GENESIS OF THE STRUCTURE OF THEORETICAL THINKING, SUMMARY.....	267
ПРОБЛЕМА БЕСКОНЕЧНОСТИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ.....	279
THE PROBLEM OF THE INFINITE IN THE LIGHT OF MODERN SCIENCE, SUMMARY.....	438
ИДЕЯ МЕТАКУЛЬТУРЫ В РОМАНЕ Г. ГЕССЕ «ИГРА В БИСЕР».....	441
«SOS» РАССКАЗ.....	463
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПО ФИЛОСОФИИ.....	481
ГЕОРГИЙ ХУЦИШВИЛИ, БИОГРАФИЯ	487
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	505
RESUME OF THE BOOK	518
ABOUT GEORGE KHUTSISHVILI (1948-2013)	519

О ГЕОРГИИ И ЕГО КНИГЕ

В 22 года Георгий окончил механико-математический факультет Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили. Много лет спустя, когда мы познакомились, он рассказывал, что на него, как на молодого математика, большое влияние оказал его профессор, доктор физико-математических наук, Л. Л. Эсакия, который в своих лекциях и книгах освещал вопросы связей математики с философией.

И вот Георгий, молодой математик, только что окончивший университет, получает распределение по своей специальности инженером-математиком в Институт систем управления АН ГССР. Но, тем не менее, он не переставая продолжает думать о том, существует ли замкнутость в мышлении и находит ответы на свои вопросы, которые подводят его к философской проблеме бесконечности.

Еще в те, его молодые годы, он начал изучать возможность налаживания связей между двумя и более науками. Впоследствии оказалось, что он посвятил всю свою оставшуюся жизнь поиску таких возможностей для диалога, толерантности, альтернативного выхода из кризисов, для того, чтобы ненасильственно, путем переосмысления, диалога, был бы найден выход – все, над чем он и работал в последующие годы своей жизни.

Все годы его творчества многогранны: они включают в себя как научную сферу, так и изобразительное искусство и художественную литературу. Что касается научной работы, то в первой половине его творчества доминируют математика и философия (1974-1989). Ко второй половине относятся конфликтология и миростроительство (1990-2013), теории мирного раз-

решения конфликтов и наука о мире. Труды второй половины научного творчества (1990-2013) Георгия Хуцишвили опубликованы в предыдущих книгах I – IV в аутентичной форме, соответственно, на грузинском, английском и русском языках.

В этой (V) книге я публикую его труды по философии – две монографии, одну статью, вместе с философским рассказом, который переиздавался в философских журналах.

Пока я технически работала над текстами двух монографий и статьёй, меня удивил объем использованной литературы. Но, опыт работы над предыдущими книгами по наследию Георгия, показал, что этот подход к работе был характерным для него. Меня удивило то, что он не довольствовался только ссылкой на автора в переводе, а сравнивал его с оригиналом. И главное даже не это, а то, что он, не щадя себя и свое время, читал и перерабатывал огромное количество литературы, анализировал и искал выход из замкнутого пространства мышления, будучи запертым в «совковом пространстве» Советского Союза, режим которого был для него категорически неприемлем. Спустя годы, он неоднократно отмечал, что философия и чтение спасали его от безысходности.

Читателям этой книги повезло в том, что мне дана возможность публикации части рукописей Георгия, где видно, как он работал над книгами. Рукописи Георгия, которые приведены в этой книге, частично описывают процесс анализа произведений конкретных авторов. Опубликовав маленькую часть рукописей Георгия, я приближаю читателя к его методу научной работы.

Я представляю, в каких условиях ему приходилось работать, когда за каждой статьёй, за каждой книгой надо было ходить в библиотеку, становиться в очередь и, не обращая внимания на те трудные бытовые и тех-

нические условия, сидеть часами, искать и находить, по возможности, все в оригинале.

Выражаю свою глубокую признательность и благодарность Георгию Хуцишвили за его пример свободы мысли, как возможность для выживания в закрытом тоталитарном пространстве, на пути к свободе и независимости.

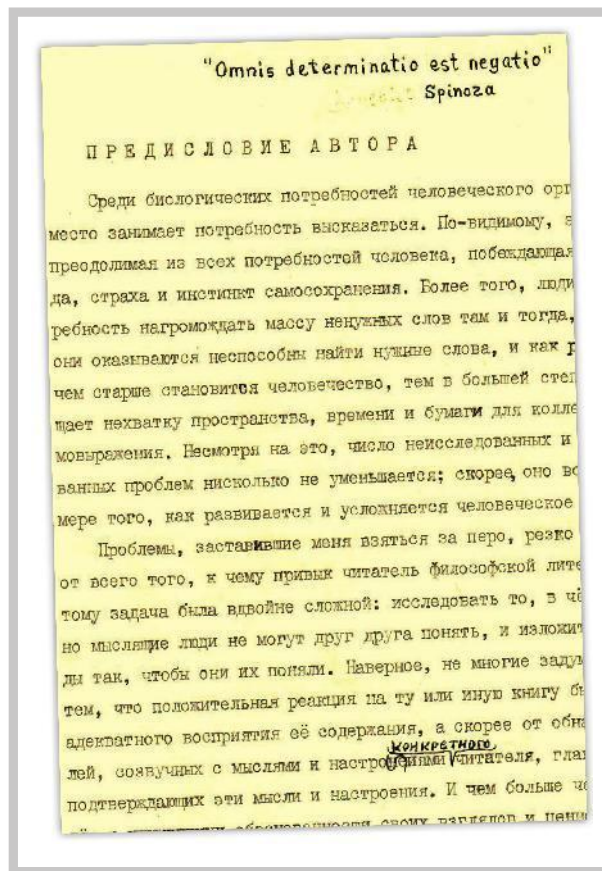
Большое спасибо читателю, который по достоинству оценит труды Георгия Хуцишвили.

С уважением,

Нина Цихистави-Хуцишвили

8 апреля, 2018

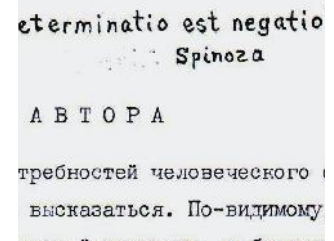
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Неопубликованное
1981 г., Тбилиси

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

“Omnis determination est negation”
Spinoza

Среди биологических потребностей человеческого организма особое место занимает потребность высказаться. По-видимому, это самая непреодолимая из всех потребностей человека, побеждающая чувства голода, страха и инстинкт самосохранения. Более того, люди чувствуют потребность нагромождать массу ненужных слов там и тогда, где и когда они оказываются неспособны найти нужные слова, и как результат, чем старше становится человечество, тем в большей степени оно ощущает нехватку пространства, времени и бумаги для коллективного самовыражения. Несмотря на это, число неисследованных и малоисследованных проблем нисколько не уменьшается; скорее, оно возрастает по мере того, как развивается и усложняется человеческое миропонимание.

Проблемы, заставившие меня взяться за перо, резко отличаются от всего того, к чему привык читатель философской литературы; поэтому задача была вдвойне сложной: исследовать то, в чём рационально мыслящие люди не могут друг друга понять, и изложить свои выводы так, чтобы они их поняли. Наверное, не многие задумываются над тем, что положительная реакция на ту или иную книгу бывает обычно не от адекватного восприятия её содержания, а скорее от обнаружения в ней мыслей, созвучных с мыслями и настроениями конкретного читателя, главным образом, подтверждающих эти мысли и настроения. И чем больше человек убеждён в обоснованности своих взглядов и ценности своего жизненного опыта, тем больше он настраивается

на ожидание отражения и подтверждения последних в любом воспринимаемом тексте, что, в свою очередь, обуславливает определённые границы и направления его понимания. Это не только процесс, характеризующий субъективную сторону мышления и понимания: процессы рационализации и социализации мышления усиливают его и приводят в определённых условиях к явлению

Человек на протяжении всей своей жизни неоднократно подвергается соблазну ограничения своих интересов мелкими мещанскими ценностями, отказа от собственного мнения и собственной оценки в пользу блаженства безответственного растворения в коллективном психозе или коллективной серости. Сохранить собственную личность, не дать «ссохнуть» мысли и нравственности может помочь лишь одно единственное средство. Как гимнастика есть упражнение по сохранению способности движения, математика - для сохранения вычислительной способности, так для сохранения способности и потребности быть человеком необходима философия. Нет, я не имею здесь в виду, что все люди должны обязательно обучаться философии или научиться философствовать так, как это делают философы-профессионалы. Но существуют философские проблемы, не оставляющие никого равнодушным, безучастным, где невозможно быть сторонним наблюдателем. Это, прежде всего, проблема жизни и смерти, конечности существования, отведённого каждому из нас в этом мире, который продолжит своё существование без и после нас; поэтому человек должен чаще задумываться над тем, какой след он оставляет вокруг себя.

В Париже, на кладбище Пер-Лашез есть памятник уникальный по своему художественному замыслу и потрясающий по силе своего эмоционального воз-

действия. Этот волнующий памятник называется «*AUX Mortes*». Он изображает вереницу людей, приближающихся к чёрной пустоте входа в каменный склеп.

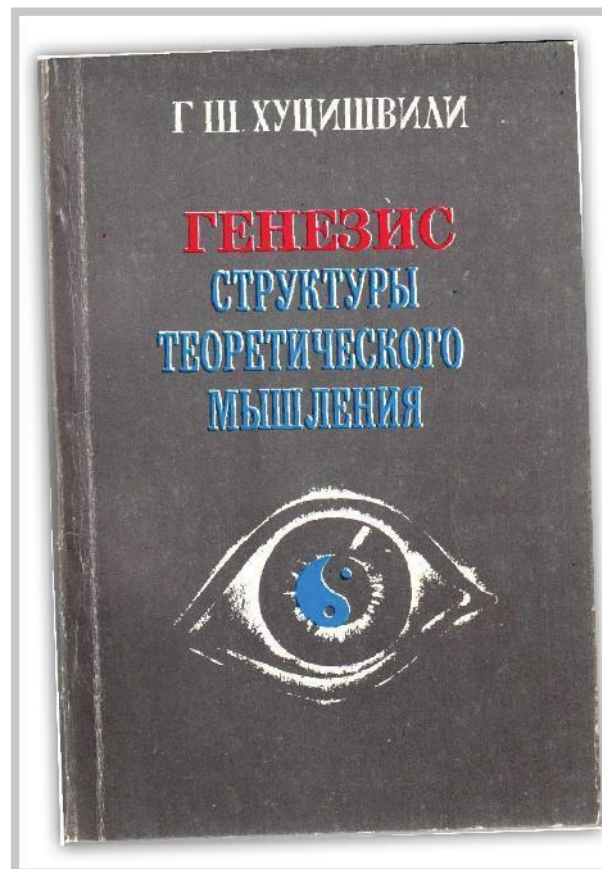
Люди идут отдельно или взявшись за руки, но в темноту каждый вступает в одиночестве. Постепенно они исчезают из вида, исчезают совершенно обнажёнными, как они и вступили в своё время в этот мир, как бы оставляя на пороге небытия вместе со своими покровами все амбиции, различия, разочарования и надежды. Они уходят молодые и прекрасные, что символически подчёркивает весь трагизм и неприятие смерти человеком. Уходя и разъединяясь, они, вместе с тем, как бы отождествляются, и эта потрясающая идея единства, одинаковости всех людей перед лицом смерти без сомнения адресована всем живым, «остающимся»: это призыв к любви и взаимопониманию; памятник мёртвым превращается в памятник живым, в памятник Жизни.

Я никогда не бывал в Париже и не знаю, попаду ли я туда когда-нибудь. С памятником я знаком по фотографии, которой завершается выпущенный на рубеже двух веков знаменитый трёхтомник «Мужчина и женщина». Недавно я спросил знакомого, вернувшегося из Парижа: стоит ли по-прежнему этот памятник /ведь он мог не сохраниться в огне двух войн/. Оказалось, пока стоит...

Георгий Хуцишвили,

Тбилиси,
1981 г.

ГЕНЕЗИС
СТРУКТУРЫ
ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ

Тбилиси, «Мецниереба», 1989, Академия наук
Грузинской ССР, Институт философии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мир, созданный нами в результате мышления на привычном для нас уровне, порождает проблемы, неразрешимые на этом же уровне».

Альберт Эйнштейн

Вопрос о структуре мышления связывается обычно с вопросом о способах, критериях и пределах правильности мышления, поскольку он традиционно рассматривался главным образом в рамках психологии и логики. Процесс интеграции наук раздвинул эти рамки настолько, что начали говорить не только об общенаучном характере проблемы, но и о необходимости интенсивной разработки общих методологических средств ее исследования. Самого поверхностного рассмотрения достаточно, чтобы заметить, каким сложным клубком переплетаются в проблеме психологический, логический, социологический, лингвистический и другие аспекты, которые и сами уже не укладываются в привычное их понимание, не существуют в «чистом» виде. С другой стороны, не менее очевидно их внутреннее единство, отражающее единство их объекта, и это может служить единственной полноценной основой изучения последнего. Более того, это единство простирается за пределы научного понимания мира, охватывая буквально все сферы духовного и практического становления человека и общества. Поэтому правильнее было бы охарактеризовать рассматриваемую проблему как общекультурную, в которой ярче всего выделяются такие ее интегрированные аспекты, как научно-теоретический и литературно-художественный.

Глобальные эволюционные процессы в современном мире показали двоякий характер интеллекта, его зависимость от социокультурного и психологического контекста, в котором он разминается: достижения научно-теоретического мышления грандиозны, однако оборотной стороной объективности и абстрактности интеллектуального гения способна явиться его дегуманизация, нейтральность по отношению к зародившейся в его же недрах реальной возможности морального, экологического и военно-технологического самоуничтожения человечества. Максимально теоретизированное, символизированное, абстрагированное мышление парадоксальным образом привело к результатам, затрагивающим судьбу и существование каждого отдельного индивидуума. Социальная сторона этого процесса хорошо раскрыта в нашей философской и публицистической литературе.

В настоящей книге предпринята попытка дополнить эти исследования раскрытием глубинных «механизмов» в самом мышлении, действие которых объективно и закономерно приводит носителей определенных типов мышления – в особенности, теоретического мышления – к замыканию в рамках количественно бесконечного, но качественно принципиально ограниченного универсума.

Существует ли выход из «дурной» бесконечности этого замыкания? Георгу Кантору, яркому представителю науки, служащей идеалом теоретичности, принадлежит непреходящая заслуга математической демонстрации того, что за пределами любой мыслимой бесконечности существует бесконечное множество других бесконечностей. Это был блестящий пример интеллектуального прорыва в диалектические глубины мироздания, который не мог не оказаться парадоксальным; в то же время последствия его квалифициру-

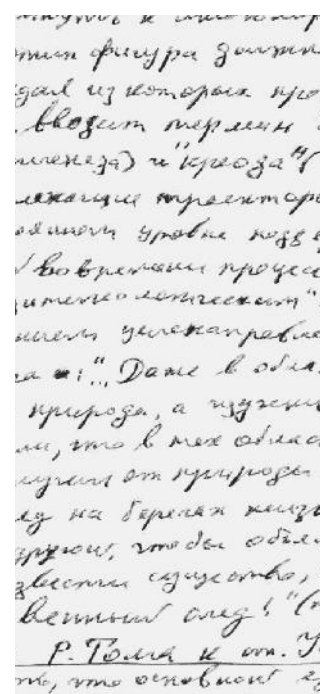
К. Х. Тугдизашвили

У. начинается с во
Шерригтон: "Впра
на который заведо
Дж. Холдейм: "Ак
ской структуры и
миди как таковой пр
основывается на
"Фактически это назв
организма эволюцион
функция от времени
сметки, придется при
"Изобретательская функ
субъективизации, кон
ной оси" (с. 19).
аристотелевского "Э
"применяющаяся" для
быть 3¹); ~~и~~ ~~на~~ ~~по~~

На естественно возникающий вопрос о том, к какой области следует отнести настоящую книгу, можно ответить так: это исследование общеметодологического характера с привлечением: материала из конкретно-научных и литературно-художественных областей. Особое внимание автор считает необходимым уделить, вопросу о действии «человеческого фактора» в формировании т. н. «объективно-научного миропонимания». В настоящее время существует настоятельная, неотложная потребность в том, чтобы превратить «человеческий фактор» из абстрактного, воспринимаемого как искусственное, навязанное извне и поэтому нередко игнорируемое требование к научным исследованиям в неотъемлемую и естественную (каковой она, по сути, и является) предпосылку любого адекватного миропонимания.

Эта книга представляет собой результат многолетних размышлений автора, споров, сомнений и напряженных попыток найти такой способ изложения, при котором рассуждения и выводы звучали бы ясно и убедительно для всего широкого диапазона потенциальных читателей, заинтересованных в прояснении различных аспектов рассматриваемой многогранной проблемы. Сложности этой задачи отразились в структурном построении материала, где многократно применены «генетический» принцип и полисемантика. Вместе с тем автор сознательно идет на чрезмерную детализацию и даже популяризацию отдельных мест, хотя в целом книга не научно-популярного характера.

Автор глубоко признателен всем, кто так или иначе, повлиял на окончательный вид и судьбу рукописи, в особенности редакторам, доктору философских наук М. К. Мамардашвили и кандидату философских наук У. И. Рижинашвили, а также рецензентам кандидату фило-

софских наук К. Д. Саная и доктору философских наук Г. В. Цинцадзе.

С отдельными частями рукописи в разное время познакомились и сделали ценные замечания кандидат физико-математических наук Л. Л. Эсакиа, член-корреспондент АН ГССР Н. З. Чавчавадзе, кандидат филологических наук В. Ш. Лебанидзе, доктор философских наук В. П. Бранский (Ленинград). Большое значение для автора имели многочисленные беседы с академиком АН ГССР А. С. Прангишвили. Особо следует отметить внимательное прочтение рукописи, замечания и пожелания, сделанные доктором философских наук Г. И. Рузавиным (Москва).

Общеметодологическое исследование фундаментальных проблем, претендуя на предельную степень общности, не может не придать некоторым схематизмом, а оперирование неустановившимися междисциплинарными понятиями всегда рискованно; в то же время автор будет считать свою задачу выполненной с избытком, если его работа внесет свой скромный вклад в важнейшее дело исследования «механизмов» перестройки мышления без которой не может быть прогресса.

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

«Omnis determinatio est negatio»¹

Spinoza

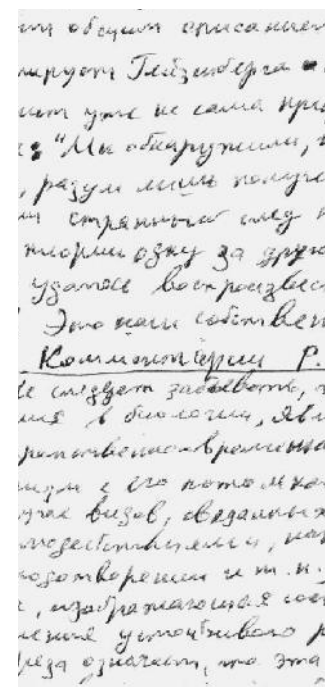
1. Что такое мышление и чем оно должно быть?

Один остроумный карикатурист изобразил знаменитого «Мыслителя» Родена, поставив перед ним включенный телевизор, и всю получившуюся картину снабдил названием «Немыслитель». Конечно, это лишь горький намек на некоторые характерные особенности жизни в цивилизованном мире. В действительности «человек немслящий» был бы так же невозможен, как круглый квадрат или деревянное железо. В свое время методологический скепсис Ренэ Декарта привел его к окончательному и незыблемому выводу: «**Cogito ergo sum**» (1641 г.). Это не означало отрицание существования всего того, что не способно воскликнуть о себе «**Cogito!**». Но все то, что на это или равносильное ему восклицание способно, обладает особым рода существованием, которое Маркс впоследствии назвал осознанным бытием. В развернутом виде декартовский принцип можно представить так: «Если я осознаю, что любые мои действия, в том числе сомнение и отрицание, есть проявления мышления (и, следовательно, оно неустранимо, неотрицаемо), то я как субъект мышления осознаю себя существующим». Если

¹
«Всякое определение
есть отрицание» (лат.).

же упустить из виду момент осознания, то указанный принцип можно интерпретировать как тезис о рефлексивности мышления «я», вырождающийся в тавтологию и делающий заключение о существовании, по меньшей мере, странным. Здесь вспоминается вопрос-загадка Людвиг Витгенштейна, который он задает, размышляя об идеях Уильяма Джемса: Имеет ли глагол «спать» настоящее время в сочетании с первым лицом? (грамотный человек не задумается над ответом). А если да, то чем отличается утверждение «Я сплю» в устах спящего человека с точки зрения и формальной и фактической истинности от произнесения попугаем слов «Я не понимаю, что говорю» или произнесения магнитофоном: «Я всего лишь машина» [130, р. 71e]? Мы вплотную подходим здесь к вопросу о взаимоотношении сознания и мышления, без прояснения которого исследовать последнее абсолютно невозможно.

Сознание и мышление настолько тесно срослись в нас, что мы привыкли считать их одной и той же способностью человека, употребляя эти понятия в функции друг друга как взаимозаменяемые. Главная причина этого положения кроется в традиционном употреблении этих не эквивалентных и даже не симметричных понятий в чересчур обширном и недостаточно определенном смысле, что, в свою очередь, можно объяснить их недостаточной изученностью и кажущейся ясностью. Обратим внимание на то, что осознание чего-то человеком не подразумевает в себе осуществление мыслительного процесса, хотя обычно и бывает опосредовано последним. В раннем детском возрасте восприятие не сопровождается обобщенными оценками, называнием и символизацией, не происходит инверсии событий, действует лишь оперативная память. Несмотря на это (либо именно вследствие этого), воспринимаемое осознается непосредственно, что

в зрелом возрасте человек испытывает лишь в редкие моменты действия «феномена первого впечатления», либо под действием гипноза или биохимических препаратов (см. гл. 3, § 2). Вместе с тем осознание не тождественно и восприятию; осознание можно охарактеризовать как элементарный акт фиксирования воспринимаемого в качестве налично данного существующего «нечто»¹. Исходным моментом познания и любого контакта человека с миром является конкретность (от которой мы через абстракцию переходим к более полной и глубокой конкретности), поэтому чистого «нечто» представить себе не может даже самая смелая фантазия художника (вспомним, например, инопланетные существа из научной фантастики, сущность которых заключается в имитировании других существ). Осознание всегда конкретно и самодостаточно для осознающего, вследствие чего, реальность и иллюзия оказываются неразличимы в рамках осознания, что подтверждается огромным клиническим материалом [см. 102; 9]. Воистину самая простая и в то же время рискованная форма знания – очевидность. Сознание есть способность, в силу которой мы не просто воспринимаем (на это способны и животные), но знаем, что воспринимаем. В то же время известно, что в зависимости от того, в каком состоянии находится сознание, человек может не знать (=не осознавать) очевидных для других людей фактов (например, наличия в комнате часов, если он слушает и не слышит их тиканья или даже смотрит на них и не видит), и наоборот, знать (=осознавать) предметы и явления, не существующие в объективном мире (галлюцинации помещенного в барокамеру, демоны и «потусторонние» силы и т. п.). Необходимость научиться различать реальность и иллюзию заставляла людей сомневаться в достоверности субъективного опыта и искать внешних подтвержде-

1

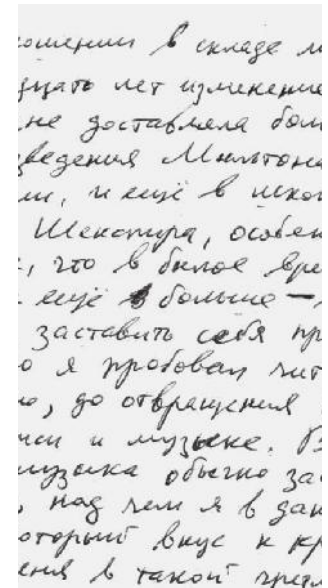
Здесь не обязательно иметь в виду чувственное восприятие вещи, но также и восприятие мысли.

*«Возникли отношения
звучать или трижды
даже позднее мне
например, трижды
трижды» и Шелли
демон читан и
указывал также,
в живописи и в
как я не могу за
строки; недавно
мне невероятно,
люкс и живописи
удовольствие, му
думать о том,
сохранил некото
не приводит меня*

ний в повторяющемся коллективном опыте, который сам по себе также не обеспечивал преодоления субъективности. В этом полном противоречий процессе формировался совокупный интеллект человечества как социальный феномен.

Воздействие креативного интеллекта на мир столь велико и бесспорно, что может сложиться вполне естественное впечатление, будто вся существующая человеческая цивилизация является материализованным воплощением сложнейших мыслительных процессов, обуревающих умы и направляющих действия людей. Однако цивилизованный мир является ничуть не в меньшей степени результатом процессов, в которых мышление, интеллект не участвовали ни в малейшей степени. Это были спонтанные и материальные (т. е. объективно-реальные и весьма ощутимые) процессы самокоррелирования и селекции между всевозможными формами креативной деятельности с последующим осознанием части их результатов и воспроизведением по последним некоторых из этих процессов.

Можно считать, что наши далекие предки выделились из мира животных в результате неосознаваемой предметно-материальной деятельности по производству средств коллективного выживания. В то же время человек стал в полной мере человеком лишь после того, как начал использовать свой сформировавшийся в результате и для утилитарной деятельности мыслительный аппарат в неутилитарных целях. Здесь уже скрыта грандиозная загадка: если этот аппарат формировался слепым эволюционным процессом (природа никак не могла заранее учесть, что человеку зачем-то понадобится морализировать, теоретизировать и философствовать), то, как же он оказался пригодным для целей, выходящих далеко за рамки эволюционных? Не прослеживается ли здесь действие какой-то направля-

ющей, организующей, а может быть и разумной силы? Наверное, с зарождением подобных вполне резонных вопросов кончилась «спокойная жизнь» человечества и началась эпоха борьбы мистического и рационального в человеке.

Обращаясь к истории вопроса, обратим внимание на то, что коренное различие культур и цивилизаций обусловлено главным образом разницей в строе мышления, вызванной действием сложнейшего комплекса факторов. Сознание носителя определенной культуры детерминирует его картину мира в результате определенной интерпретации фактов, что, в свою очередь, оказывает обратное действие на сознание, усиливая его в одних отношениях и ослабляя в других; а это в процессе преемственности представлений и идей образует непрерывную линию эволюции культуры в пределах одной и той же формы сознания (мировидения индивидуумов некоторого социума), пока объем и важность неинтерпретируемых в рамках старого сознания фактов не достигнут критической степени и не приведут (в силу еще более сложного комплекса факторов) к смене старого сознания новым и формированию на его основе нового типа культуры. Ниже я постараюсь обосновать свой взгляд о том, что мышление и его реализации развиваются непрерывно (эволюционно), в то время как сознание развивается дискретно. В то же время факт осуществления взаимодействия между ними, как необходимого условия их развития, представляется не требующим обоснования.

Но так ли это на самом деле, если существует форма культуры, составляющая и сегодня основу миропонимания более четверти человечества (!), которая не только разделяет и гипостазирует сознание и мышление, но и противопоставляет их, объявляя вредными и губительными для личности и общества именно те

формы мышления, которые породили технологическую цивилизацию? Обычно это расхожая жизненная «философия», включающая элементы архаической (по другой квалификации – эзотерической) космогонии и психологии, и известная в мире под таким же расхожим названием «Восточного мышления»¹. В чем причины подобной устойчивости, консервативности этих взглядов в наш век, даже в насквозь компьютеризованной Японии?

Т. н. Восточное мышление зиждется на древнейшей из религиозно-философских систем (сформировавшейся задолго до зарождения европейской культуры), по-существу идеалистической, но в то же время гуманистической и стимулирующей человеческий дух, впитавшей богатейшие традиции и мудрость народов Индии и Китая. Наряду с глубокими догадками это учение содержало элементы, которые не могли не получить со временем мистическую окраску (поскольку не происходило их периодическое пересматривание в терминах все более рационализированных систем знания), что придавало таинственность всему учению в целом. И то, что сегодня, во второй половине XX столетия, это учение пользуется чрезвычайной популярностью на Западе, неотъемлемой частью интеллектуальной жизни которого стали *гуру и свами, ашрамы* и медитация, следует отнести не столько за счет моды на экзотику, сколько считать сигналом самоисчерпания духа самозабвенного потребительства, носители которого, узнав, как в зеркале, свой мир и свои ценности в созданной чужой и далекой мыслью картине мира, ужаснулись, и в бегстве от самих себя впали в другую крайность, развивая средневековую мистику уже под экзотическими ярлыками. Несмотря на то, что в целом этот процесс был ассимилирован потребительским со-

1

Слово «восточное» здесь и ниже следует понимать в специальном, хоть и общепринятом к западу от области его референции смысле: под Восточные подпадают различные индуистские, буддистские, джайнистские, даосистские учения, но не подпадают иудаистские или мусульманские, несмотря на то, что они также «к востоку от нас». Восточному мышлению мы будем противопоставлять Западное мышление в тех случаях, когда необходимо им делить черты того, что принято называть «западным» в отечественной литературе; в остальных же случаях будет применяться термин «европейская традиция», либо «классический тип рациональности».

обществом, это был акт внешнего самоосознания. Порочный круг был в очередной раз разомкнут.

Рассмотрение одной системы мышления извне, через другую не только методологический прием (который будет применяться ниже неоднократно), но и необходимое условие самопознания. Грандиозные успехи технологического века впечатляют. Но вот оценка мыслителя и художника, воспитанного в европейских традициях, но впоследствии испытавшего трансформацию мышления, позволившую ему взглянуть как бы извне на евро-американскую науку и цивилизацию: «Все нашли, а человека потеряли». В этих словах Николая Рериха не отрицание европейской культуры и европейского интеллекта, а фиксация опасной потери целостности в понимании мира, в частности, «абстрагирование от человека» в результате стремления к объективному взгляду на мир [Ср. также 27]. Рассмотрим поэтому вкратце суть тех учений¹, которые даже в конце XX века объявляют себя альтернативой магистральным направлениям мировой мысли.

2. СОЗНАНИЕ ПРОТИВ МЫШЛЕНИЯ В ЛОГИКЕ «РЕЛИКТОВЫХ» УЧЕНИЙ

По-видимому, логика древних мыслителей, живших на полуострове Индостан, диктовала им применимость принципа сохранения («**ex nilo nil**») как к миру чувственно воспринимаемых феноменов, так и к миру внечувственно воспринимаемой реальности мысли. Если разрушение вещи или смерть организма не могут означать их полного уничтожения, превращения в ничто, то в не меньшей степени странным и нелогичным казалось превращение в ничто сознания, внезапное обрывание его существования вместе со смертью организма. В свою очередь, этика древних мыслителей

¹ Им очень подходит характеристика «реликтовые».

создала оригинальный (даже уникальный в истории) аналог принципа сохранения, составляющий наиболее существенный и устойчивый момент Восточного мышления: принцип кармы. Индивидуальное человеческое существование (**samsara**) образуется из множества действий, которые влияют на окружающий человека мир непредсказуемым и далеко не всегда благоприятным образом, не говоря уже о сознательно совершаемых злых поступках. Совокупная тяжесть совершенных поступков (и даже неосуществленных побуждений) требует сбалансирования, восстановления равновесия, которого трудно ожидать в течение одной жизни; поэтому этот «груз» не позволяет сознанию исчезнуть, вынуждает его принимать все новые формы, в результате чего человек испытывает страдания как плату и за те поступки, которых он в течение своей жизни не совершал. Так продолжается до тех пор, пока какая-то просветленная личность не организует свою жизнь таким образом, чтобы не только не усугубить поступком, мыслью или словом накоплением предыдущими воплощениями **карму**², но полностью искупить ее незаинтересованным трудом (**Karma-yoga**), бескорыстной любовью и добротой (**Bhakti-yoga**) и обузданием собственного мышления (**Jnana-yoga**), исключив, таким образом, возможность последующих инкарнаций, возвратившись к своему истинному существу (**Atman**) и достигнув состояния за пределами мыслей, эмоций, стремлений, ада ирая, жизни и смерти (**Nirvana**). Это трансцендентное состояние, объявляемое высшей и заветной Целью человеческой жизни, есть неизменное существование в себе души, освободившейся от бремени материальных факторов. «Ничто не в силах разрушить того, что неизменяемо», говорится в «Бхагавад-гите»³ о душе в ее «натуральном» состоянии⁴.

2

Буквально «karma» означает на санскрите «действие», «поступок», «деяние», а закон кармы есть этический аналог закона причинно-следственной связи [104].

3

Один из древнейших и прекраснейших памятников мировой культуры, «Шримад Бхагавад-гита» предвосхитила многие достижения античной философской мысли, в частности, основные черты теории идей Платона (см. ниже).

4

См. 125, с. 38.

В соответствии с индуистским анализом сознания, существуют три его основных состояния: 1) обычное контролируемое «я» состояние (средней) пробужденности, 2) не управляемое, но свидетельствуемое «я» состояние сна (со сновидениями), 3) глубокое состояние не контролируемого и не фиксируемого «я» забытья, не образующего, в отличие от двух предыдущих состояний, отражения событий памяти.

К этим состояниям индусы добавляют четвертое (**turiya**), сочетающее полную пробужденность и полное «присутствие» с полной управляемостью; однако «я» не способно осуществить этот высший синтез, поскольку оно, согласно той же индуистской традиции, формируется именно теми факторами, которые препятствуют выработке этих качеств. Для того чтобы уяснить причины отрицательного отношения индуизма и вообще Восточного мышления к воздействию мышления и языка на развитие личности, необходимо в общих чертах обрисовать индуистскую онтологию сознания.

Высшую реальность, согласно индуистам, воплощает Космическое сознание (**Shiva**), бесконечное и полное в себе, представляемое в виде мужского божественного начала, обладающее такой же бесконечной и полной в себе Космической энергией (**Kundalini Shakti**), представляемой в виде женского божественного начала. Частицей Космического сознания является каждое индивидуальное сознание (**jiva**), индивидуация которого из Космического сознания происходит в результате реинкарнации, вызванной кармой, т. е. уже после рождения человека. Оказавшись связанной с определенной телесной оболочкой, индивидуальная (уже) душа (**jivatman**) отождествляет себя с ней, забывая о своей связи с Мировой душой (**Paramatman**) и будучи погружена в рассредоточение потока идущих из эмпирического мира (**maya**) внешних впечатлений

(**Samskara**). Чистота и непосредственность восприятия ребенка, неистощимость его энергии и выносливость организма уступают зависимости от внешних сил, в борьбе с которыми человек развивает свое «я», язык и мышление; тем самым человек вводит в действие все те силы, которые способствуют углублению индивидуации и зависимости сознания от привычек, страхов, предрассудков, правил, которые навязаны извне и не могли быть присущи сознанию изначально. Как выброшенная из океана на берег капля воды обрастает иссушающими ее песчинками, так и забывшая (вполне закономерно и неизбежно) о своем происхождении душа всю свою материализованную жизнь проводит в поисках самой себя. Продолжаться это может до самой смерти человека, если только он не начнет самостоятельно, а лучше с помощью Учителя (**guru**) процесс самоочищения сознания, который может довести до степени полной духовной свободы личности (**moksa**). Последовательная концепция подготовки сознания к прохождению этого ретроспективного пути содержится уже в «Гите», более детально его этапы изложены в «Йога-сутрах» Патанджали.

Согласно йоге, духовное освобождение человека есть его единение с Космическим сознанием (этимология слова «йога» восходит к **yuj** – «союз»), осознание себя его неотъемлемой частью, которое достигается не путем веры и не путем аргументации, а путем прямого психофизиологического опыта. Поскольку уже в раннем детстве сознание «экранируется» миром внешних феноменов¹, а его энергия блокируется от мозга в области таза (**lotus Kundalini**), то человеку приходится довольствоваться отраженной мышлением картиной впечатлений и переработанной энергией ассимилированной материальной среды. Предлагается несколько путей для расширения индивидуума

Уездного земства, 1911

Всякая душа потеет в себе этой божественной силой. Достичь этого труда осмыслит из этих слов. В этом вся суть учения – все это так. Чистота достигается не так, как думают, мимолетными мыслями, инстинктом. Раджа-йога состоит из пяти в себе неразрывных элементов, из которых, в отчаянной борьбе (экстремально или совсем и при всех условиях труда). Кивано не...

2) **Мидия** – учение достигаются постичь все, мантры или мантры (слова), прона в начале и в конце и

3) **Асия** – поза, но и имеет труд, плечи

1 Ср. с «анамнезисом» Платона..

а) *достижимо ли полное освобождение от всего, что обычно образует практическую, эмоциональную и интеллектуальную жизнь человека, и если да, то,*

б) *что же остается от человека в результате подобной чистки, точнее говоря, что в нем остается человеческого?*

Ведь известно, что человек не может развиваться в изоляции от общества, которое требует адаптации к себе (социализации мышления и сознания), а «очищение» сознания от влияния формирующих его сил есть иллюзия, проистекающая от торможения тех контролируемых систем в психике, которые, возможно, и ограничивают и искажают восприятие и мышление, но исключительно в силу существования которых и способен человек отличить свое развитие от деградации.

Принцип «отделения сознания» (культивирование «абсолютного свидетеля»), поскольку он объявляется необходимым для достижения высшего знания, предполагает, что в сознании изначально содержатся все те предпосылки, которые человек старается выработать всю свою жизнь. С этической точки зрения, очевидно, что отделение сознания способно породить и «святых» и «монстров»: политикан, талантливо внушающий обществу свою абсолютную бескорыстность и альтруизм, холодно и невовлеченно наблюдает в то же время за всей полисемантикой своей игры и взаимодействием манипулирующего мышления с манипулируемым общественным мнением. Вряд ли на этом основании он мог бы сойти за образец чистой души и просветленной личности. Так, значит, сострадание к ближнему (**karuna**) тоже изначально присуще сознанию, если оно должно оставаться в нем и после преодоления всех эмоций? Нет ли здесь явного несоответствия между нейтрализующей личностью «методологией» ее развития и гуманизмом декларируемых целей?

Йоги Патанджали
лабери мими (Зрити).
воспринимает, мим тот
может не видеть с откры
и слыше тикани гаш
лай по фиксированн
ит в память, инак он
решит через субъектив
путями, оно в сумно
сжатие, "сказан Раш
оно и зед, возника
итти ч хед то, что з
ить, можно убрать два
лей себя с сознани
и познание, но, как гово
дичия; Тамас - темн
), Раджас - деятельн
кой силе приращив
оте первых два состо
е естественное яное
из него. Читта предв
оснеотечности

По-видимому, очевидность ответов на вышеприведенные вопросы долгое время обуславливала отношение Европы к Восточному мышлению, даже несмотря на разъяснения Свами Вивекананды [см. 133] и Романа Роллана [72] о том, что «невовлеченность» не обязательно связывать с аскетизмом или отречением (*samnyasa*), несмотря на тот парадоксальный факт, что принцип непротивления злу в сочетании с рассмотренными выше принципами способствовал формированию самосознания борющегося за национальную независимость огромного народа. Лишь ведущиеся в последнее время объективные научные исследования позволяют выявить основы сложной и противоречивой связи культур: несмотря на свои связанные с мистическими и архаическими учениями традиции, Восточное мышление продолжает порождать живые и творческие формы культуры, иначе оно не могло бы ни на что воздействовать. Несомненна также интерпретируемость (или, как теперь говорят, погружаемость) принципов Восточного мышления в европейском, хотя обратное вряд ли возможно.

Проводимое ниже исследование генезиса структуры теоретического мышления, этого высшего и сложнейшего продукта европейской рациональности, показывает, что оно необъяснимо из себя самого, что его необходимо рассматривать во взаимосвязи всего комплекса направлений (реализаций), допускаемых человеческим мышлением. Но это, в свою очередь, требует пересмотра той укоренившейся установки, согласно которой рассмотрение теоретических направлений в терминах нетеоретических не способно что-либо прояснить относительно первых. Здесь необходимо лишь учитывать момент совместимости (например, образно-художественное и научно-теоретическое мышление) или несовместимости (напри-

Человек не способен от
надежды. Сознание не
Сознание движется в три
физическая сила отдал
Землю (сравнивается с
жизнь, спокойствие,
Человек стремится к
идеи старается
погружаемости, слаб
5. Есть пять разрядов в
6. Таковы: правильное
7. Третье: восприятие,
воспроизводит ли
счастья для тех, кто
18. Власть над Восточ
"Сознание, чтобы быть с
Меня изобретения от
14. Сосредоточение, изобр
расширяющие, блещет
18. Есть другие: сама
умственной деятельности
15. Результат, получает
Землю состоит в том, и
проходят их, редкость
Свершения совершить
темно погружаемости
интерпретируемость и живое

мер, мистико-религиозное и научно-теоретическое). В результате проведенного исследования окажется, что жизненные принципы, дошедшие до нас из глубины веков во всей своей наивной простоте, получают неожиданную интерпретацию и применение в самых передовых формах знания. Необходимость подобной методологической «полноты рассмотрения» ярко демонстрирует неэлиминируемость мышления и его формирующее воздействие на любые формы сознания, а поскольку мышление по самой своей сути есть социальный процесс, то сознание действительно «с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди» [58, с. 29].

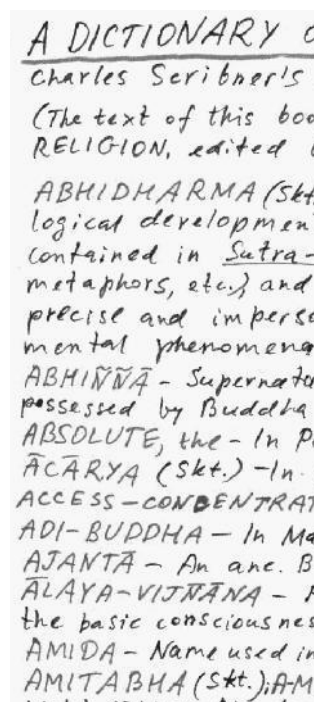
3. О ЛОГИКЕ СОЗНАТЕЛЬНОГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Было время, когда само появление в тексте словосочетания «бессознательное мышление» квалифицировалось как нонсенс, как **contradictio in adjecto**, и даже в большей степени, чем появление словосочетания «бессмысленное сознание». Казалось бы, кто еще может быть носителем мышления, кроме как «я»? Поразительно, как долго ответ на этот вопрос был очевиден для психологической науки; в то же время еще древние мыслители понимали, что далеко не все, происходящее в мышлении, происходит по сценарию и при участии «я». Чаще всего «я» фиксирует, как не прошло приходят мысли и как неизвестно по какой причине вдруг уходят, не будучи в состоянии воздействовать на этот процесс; человек далеко не всегда может по желанию ввести в действие память и в то же время часто не может избавиться от навязчивого знака, образа, звука. Однако не подобные факты, доставляемые элементарным самонаблюдением, а сложные

добавить себя с сознанием
как размышление, но как гов
размышления; Тамас - тем
ид), Раджас - действие
исключает собой приращение
ноты первых двух состо
ней естественное знание
из него. Читая про
сосредоточенности.
мешив, связанных со ст
е, неразличим, устное забл
ювание и свидетелем к
той опыт; возвыс, напротив
эмпирической, завоевавшей
настой украинскими в с
ном и отрезания домини
е каря (выпавший), ко
зито, выработано владеть
е правдивым знанием, с
интерактивное "Я" / Сам
стивается познакомиться
в котором читая у Сер
или, которые отвергаю
тацией в поспешности и
идеи этого сознания как
какой-то мнимой прираще
нию, не только ее под
налом, но и в том, как
мысли, что они произве
на появление протерной си
на которой основывается п
ту.
каждый шаг, тогда
с Пяти из них был создан
в предостережении и не про
и.

нарушения в действиях и речи психоневробольных привели к поворотному пункту в развитии психологической науки, каковым явился, как известно, выход в такую полную таинственности сферу, как неосознаваемое психическое. То, что древние истолковывали как вмешательство свыше или, во всяком случае, извне, оказалось результатом действия сил, находящихся за пределами сознания, но в пределах психики, то есть с точки зрения «я» это было даже не «свое иное», а самое настоящее «чужое». Цивилизация сформировала в психике механизмы, создающие заслон проникновению в сознание и поведение человека манифестантов бессознательного, вследствие чего возник сложный знаковый процесс (семиозис) для «декодирования» которого можно в прошлом опыте индивидуума отыскать необходимый материал, но невозможно отыскать критерии. За пределами осознаваемого происходит также большая часть мыслительных процессов, но не в силу какого-либо мотивационного конфликта, а в силу тех же эволюционных причин, по которым мы не можем ощущать того, что происходит во внутренних органах (своеобразная «автоматизация производства»). С другой стороны, за некоторыми из неосознаваемых мыслительных процессов нам приходится наблюдать в сновидениях, но правильно ли называть их в этом случае неосознаваемыми? Осознающее сновидение «я» отличается от основного «я», мыслящего наяву: оно не обладает его опытом, предрассудками и комплексами и воспринимается последним как другая личность, сообщающая ему свои «свидетельские показания». Но кто же осуществляет связь между ними, третье «я»? И насколько правомерен вообще подобный плюрализм?

В зарубежной психологической литературе все чаще встречается термин «высшее Я» (**higher Self**), уже подразумевающим если не множественность «я»,

то множественность его состояний. Под «высшим Я» понимается не фрейдовское «сверх-я» (**super-ego**), а «окончательная психическая сущность» человека, то есть рационализированный аналог того, что поэты и обыденная речь понимают под словом «душа». С научно-философской точки зрения, подразумевающей в личности интегрированность ее состояний, этому термину можно придать смысл идеала, цели развития личности, актуально не достижимой, но выполняющей регулятивную функцию; в противном случае легко впасть в платонизм¹.

Начатые Зигмундом Фрейдом [85], продолженные Карлом Юнгом [116], Альфредом Адлером [101] и другими исследования области бессознательного получили оригинальное развитие в **теории установки** Д. Н. Узнадзе [79]. Установка представляет собой один из важнейших факторов, формирующих структуру мышления: причем по отношению к сознанию индивидуума установка, по мнению психоаналитиков, выступает в качестве внешней силы, закрепляющей усиливаемые унаследованным строением нервной системы и особенностей характера последствия детских психических травм, комплексы, фобические страхи и т. п. Сознание человека с изумлением фиксирует повторяющуюся неадекватную реакцию, срабатывающую, несмотря на то, что эта неадекватность была уже осознана им ранее при анализе своего поведения в аналогичных ситуациях. Вместе с тем установка играет и положительную роль, формируя в поведении личности необходимый автоматизм во множествах однотипных ситуаций, помогая ей адаптироваться к среде [79]. Установка как устойчивая предрасположенность личности к определенному реагированию на определенные стимулы в существенной степени обуславливает интегриро-

1

Оглядываясь назад, обратим внимание на то, что индуистский путь развития (просветления) личности можно рассматривать как имплицитное определение «высшего Я», которое образуется негативным путем (грубо говоря, это то, что остается в человеке «за вычетом» тела, ума, памяти, опыта, эмоций, привязанностей, привычек, принципов и т. д.). Оставалось наделять божественной сущностью практически лишенный человеческих качеств результат этой операции (дабы не лишать его вообще лица), как поступили философы веданты, либо отказаться гипостазировать «Я» и признать в качестве окончательной сущности сознания бескачественную пустоту (Sunyata), как поступили более последовательные и глубокие философы буддизма.

ванность личности, усиливая и углубляя некоторые ее стороны и косвенно влияя на все остальные.

Роль установки в формировании поведения личности хорошо изучена [9; 79], чего нельзя сказать о ее роли в филогенетическом формировании мышления, в особенности процесса интеллектуального творчества. Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на ограниченность понимания установки, втиснутого в рамки *бихевиористской* и *механистической* по своей сути терминологии. Ведь предрасположенность, готовность реагировать определенным образом всегда объективно основана на том, что непосредственное осознание ситуации (т. е. то, как сознание «видит» все происходящее, пока оно еще происходит) требует именно такой (и в этом смысле адекватной) реакции. А само непосредственное осознание ситуации детерминировано в большинстве случаев детским восприятием, закрепившимся в силу сочетания (точнее синергии) генетических и социальных факторов, аналогичной (или квазианалогичной) ситуации, не сопровождавшимся в свое время тем логическим анализом, на которое способно лишь мышление взрослого человека, но продолжающим участвовать в последнем в снятом виде. (То, что формирующиеся в психике функциональные системы не вытесняются, не преодолеваются новыми, но отображаются в последние в качестве подсистем, «глобализирующихся» в определенные моменты, я считаю свидетельством того, что сознание не развивается эволюционным путем; см. гл. I § 1). Поэтому установку можно охарактеризовать как спонтанную манифестацию миропонимания личности, не опосредованную логико-критическим анализом¹. Восточная психология считает установки полностью преодолимыми (например, на основе *йоги* или *дзена*), в то время как европейская традиционно считает подобное пре-

1

Реакция «Все вы думаете только о том, как уличить меня во лжи!» есть не только симптом невротической личности (рецидив травмированного «ребенка», ср. концепцию «игры» Э. Берне в гл. 2, § 1), но и проявление жизненной позиции, неискоренимой никакой психотерапией или психоанализом, пока она не отпадет в результате развития личности.

одоление невозможным без непоправимого ущерба для личности (а просветленную «восточным» методом личность считает непригодной для социальной жизни). Говорят, что Гаутама Будда требовал от своих последователей отвечать на вопросы не задумываясь, по первому импульсу: ведь в этом случае «психологический портрет» личности был налицо; подобной личности действительно трудно пришлось бы в условиях современной цивилизации, свойственных ей сложнейших социальных коммуникационных процессов, но и в современных условиях «глобальное» развитие интегрированной личности означает (и становится возможным как) осознание и преодоление препятствующих этому развитию установок [ср. 74].

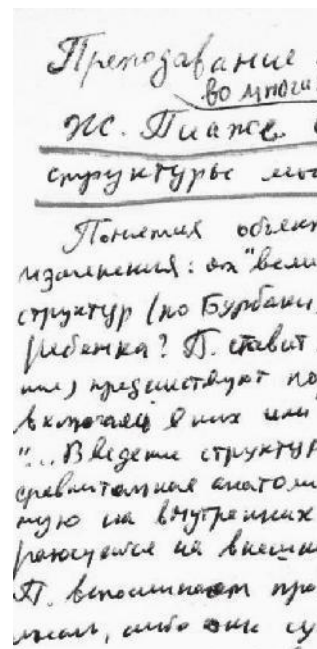
Наконец, обращаясь к процессу развития научного знания, становится очевидно, что во многом аналогичный процесс протекает в сфере «интеллектуального производства», где срабатывают закономерности формирования и действия социальных установок² [61]. Практически все, что можно сказать о формирующем мышлении (и через него сознание) личности действию установок, остается в силе относительно социума и социального сознания. В соответствии с принципами социологии Маркса, исходящей из нераздельного единства индивидуального и социального сознания, развитие индивидуума уже подразумевает в себе в качестве неотъемлемой стороны социальность, поэтому любая установка по самой своей сути социальна. (В этом плане вполне законно рассуждать о невротических реакциях, комплексах, фобиях не только личностей, но и социальных групп как носителей единого способа мышления и единого сознания). В социуме, как и в индивидууме, установки задействованы объективно и закономерно и выполняют необходимую функцию. Но вот что интересно: эта функция заключается не в

2

Следует четко различать рассматриваемое значение термина «установка» от других: например, принцип, принимаемый членами сообщества с целью совместного решения задачи, или программная цель, выдвигаемая перед сообществом его лидерами.

способствовании развитию, а в консервации существующего способа мышления и существующего взгляда на вещи, что является структурной основой выживания (реальной, а не идеальной!) личности в своем социуме (соответственно, социума в его гиперсреде). На мой взгляд, это пример действия закономерностей биологического типа в мире социальных феноменов, которым может противостоять лишь сознательная активная позиция личности (в определенных условиях распространяющаяся но, в целом более консервативный, а в структурном отношении – более устойчивый социум). В научных сообществах, мышление которых будет представлять основной объект настоящего исследования, действие социальных установок усиливается такой их особенностью, как принцип дисциплинарности мышления, что оказывает решающее воздействие на сознание и миропонимание членов подобных сообществ [гл. 2].

Крупнейшим стимулом не только для психологических, но и для общеметодологических исследований структуры мышления явилась **генетическая эпистемология** Жана Пиаже [45; 64 и др.], впервые позволившая осуществить тот синтез генетического и структурного моментов в понимании и моделировании мышления, основы которого были заложены еще в прошлом веке социологией Маркса. Основные достоинства концепции Пиаже обусловлены следующими ее чертами: во-первых, это ее диалектичность, обогащенная оригинальным применением современного концептуально-методологического аппарата, что обуславливает синтетичность и динамичность видения объекта; во-вторых, это ее философская материалистичность в понимании мышления (согласно Пиаже, мышление формируется как [и представляет собой] множество интериоризованных действий); в-третьих,

это особое значение, справедливо придаваемое генезису представлений о математических структурах, как отражающих узловые моменты формирования психических структур в разном возрасте. Все это позволило Пиаже исследовать мышление в единстве онтогенеза и филогенеза, в единстве субъекта и объекта познания и осознания, причем сделать их исходными моментами всей своей эпистемологии; поэтому можно согласиться с оценкой В. А. Лекторского, В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина о том, что в лице Пиаже мы имеем дело с одним из наиболее ярких представителей «синтетического подхода к исследованию психики» в истории науки [45, с. 26].

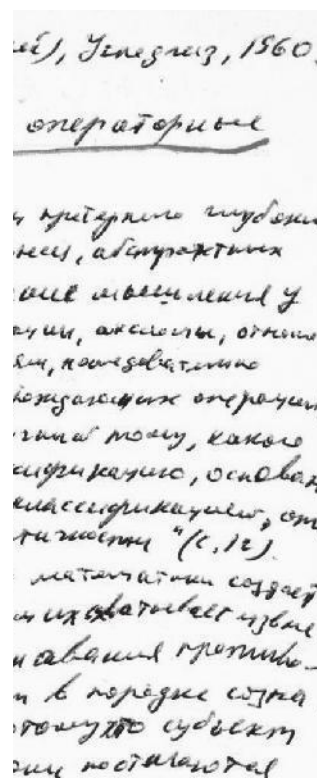
Интересно, что одной из побудительных сил, подтолкнувших ученого к его «операциональной концепции интеллекта», был, по его собственному признанию, давний философский спор между реалистами и номиналистами о природе универсалий. Создает ли человеческая мысль идеальные сущности, либо они существуют в реальности и разум лишь схватывает их извне? Еще незадолго до Пиаже У. Джемс сравнил представления о генерировании мозгом идеальных объектов усилием воли со стороны «я» со следующей картиной: человек, сидящий под стеклянным колпаком, воспринимает отражаемый колпаком от внешнего источника свет как исходящий от самого колпака (фактически это перефразировка известной ситуации, описываемой Платоном в диалоге «Государство» [66]). Анализируя вопросы, поставленные Джемсом, современник Пиаже Витгенштейн считает ситуацию безвыходной: «Мысль уже завершена и началу (произнесения – Г. Х.) предложения... Но намерение высказать мысль может существовать раньше, чем произнесено первое слово... Я говорю кому-нибудь: «Я собираюсь насвистеть тебе мелодию...»; мое намерение в том,

и.в. Структуры
мыслительной.
объекта мышления и
"великим, малым и т.
обшири). Отражает ли
тавит вопрос так: Эле
от порожающим ин
или же они сами яв
структур представляет
атомы водонасы в
иных психических
качестве присущих в
и проблему универс
и существуют в дан
быть, то психоло
му генезиса; то, и
иногда в модели

чтобы насвистеть эту мелодию: значит ли это, что я в некотором смысле уже насвистел ее мысленно?» [130, р. 2e]. Только начав мыслить, мы уже знаем, о чем мы будем мыслить, еще не осмыслив этого. Мышление демонстрирует своеобразные причинно-следственные и временные парадоксы, филогенетический аналог которых мы находим в проблеме универсалий. «...Не надо забывать, что психологически порядок осознания противоположен порядку генезиса: то, что является первым в порядке генезиса, будет последним в рефлексивном анализе, потому что субъект осознает результаты умственных построений до того, как они постигаются внутренними механизмами» [65, с. 12–13]. Таким образом, Пиаже сделал первый правильный шаг на пути к развязыванию «гордиева узла» осознанного мышления: не имея возможности непосредственно подвергнуть «ревизии» сферу неосознаваемого мышления, можно раскрыть онтогенетические «узлы» в филогенетическом процессе формирования концептуальных (в частности, математических) структур. Пиаже пишет, что интеллект можно определить как «прогрессирующую обратимость мобильных психических структур», или как состояние равновесия, к которому тяготеют все виды адаптационных процессов во взаимодействии индивидуума и среды [64, с. 69]. Вместе с тем, Пиаже не дал методологически общезначимой модели структуры мышления, поскольку его концепция была ограничена психологическими задачами, а это, в свою очередь, наложило ограничения на характер применения им же самим развитого структурно-генетического подхода.

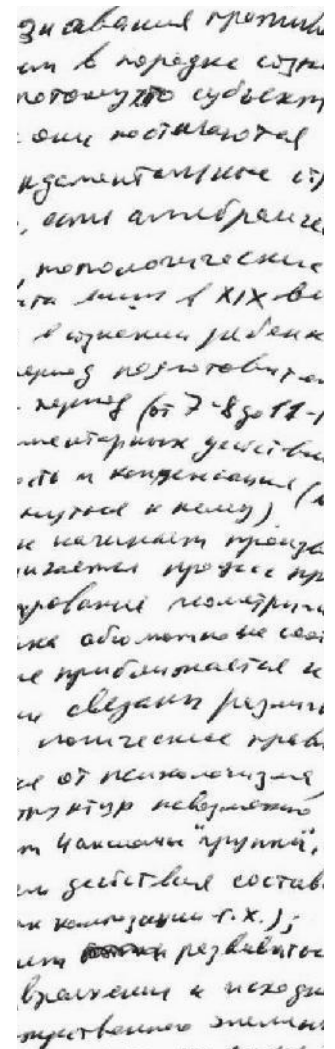
4. Nisi ipse intellectus

Разумное существо при всем желании не сможет взглянуть на мир глазами питекантропа и даже нециви-

да, ограничение этого множества и оптимальность селекции (в результате которой действительный мир оказывается лучше возможных) Лейбниц относил на счет Провидения; однако теистическая интерпретация этого рассуждения вовсе не обязательна, как показала методология современной науки [см. 35; 87]; вместе с тем данная концепция в принципе не в состоянии была примирить принцип предустановленной гармонии с кризисами в основаниях науки, научными революциями, антиномиями, апориями и парадоксами, и тем более предложить объяснение последних. А ведь именно эти явления служат симптомами глубинных закономерных процессов, детерминирующих структуру теоретического мышления.

Одним из главных виновников возникновения парадоксальных явлений и кризисных ситуаций в теоретическом мышлении большинство методологов называют наш «родной» естественный **язык**, на котором формулируется большая часть специально-научных рассуждений и почти вся философия. Естественный язык возник и формировался отнюдь не для удовлетворения потребностей науки: энтимематичность, двусмысленность, гибкость и универсальность естественного языка направлены, прежде всего, на обеспечение экономии средств мышления и времени в процессе накопления, выражения и передачи интуитивной информации. Для передачи, накопления и оценки научной информации первостепенное значение приобретают совершенно другие критерии: строгость, однозначность, непротиворечивость и т. п. Требование экономии мышления в науке ведет к символизации языка, поэтому процесс теоретизации традиционно формулируемых на содержательном языке областей научного знания предполагает перевод их на хорошо разработанные искусственные, формальные языки. Процесс

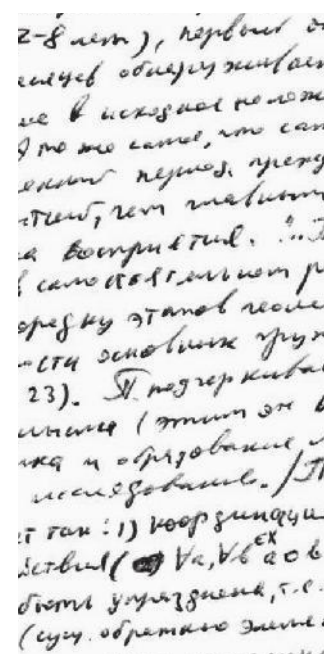

Знававши гүтүмү
ит в порядке сота
потому что субъект
еще не состоялся
идеи математическо ед
, эти атрибуты
, топологические
та мит XIX ве
в истории науки
крупнейшие открытия
делались (от 7-8 до 18-19)
теоретических действий
открытия и конденсации (а
математика и физика)
и начинают происходить
издается процесс пр
требования рациональ
на абстрактные связи
не приближаются к
и следуют результ
логическим пред
от неформализации
тут и др. неформально
т. Чашиничи группой,
на действие состав
на композиции т. х.);
или ~~открытия~~ результаты
взаимности и неформ
т. д. естественного языка

этот осуществляется в русле математизации наук; вместе с тем математика, называемая часто идеалом построения для остальных наук, в действительности весьма далека от идеала: при всех ее бесспорных достоинствах (а может именно вследствие их) она более всех других наук подвержена кризисам основ. С другой стороны, интуитивное мышление на естественном языке, при всех его недостатках, обладает поразительной способностью ассимилировать противоречия, оперировать несуществующим и невозможным.

Отметим тут же, что теоретическое мышление в рамках методологической рефлексии обобщило понятие языка до любой системы специфических выразительных средств, вследствие чего даже одна научная теория стала рассматриваться в качестве языка другой научной теории. Ниже (гл. 2, § 2) мы коснемся вопроса о корректности подобного релятивизма. В целом же можно считать неизбежным нестрогое употребление понятия языка в любых смыслах, укладываемых в приведенную характеристику.

Другим главным источником трудностей в теоретическом мышлении считается несовершенство логики. Интуитивный смысл, вкладываемый в термин «**логика**», слишком глубок и многозначен, чтобы пытаться втиснуть его в прокрустово ложе дефинициальных схем (в полном соответствии с этимологией, нисходящей к «логосу»). Вместе с тем во множестве его значения должно быть что-то тождественное: ведь ни у кого не возникает разночтений, когда речь ведется о «логике вещей», «логике познания», «логике научного открытия» или «логике игры в бридж». Наука логики, которую традиционно принято считать изучающей формы и способы правильного мышления (рассуждения), всегда однако исходила из собственных, внутренних критериев этой «правильности», которые в лучшем случае лишь

2-й акт), первый в
каждой области мышления
не в исходной форме
это же самое, что сам
первый период, пред-
шествующий, как таковой
является. ...
в самом начале мышления
средств становление
- это основные этапы
23). В дальнейшем
мысли (т.е. это в
каждой области мышления
использовались. / П
: так : 1) координация
действий (V₁, V₂ эк
были упрощены, т.е.
(сущ. обратное эмпи-

частично соответствовали интуитивным основам того типа мышления, который породил всю классическую науку. Традиционная, а затем и символическая логика все более ограничивалась анализом языкового текста на основе конвенционально принимаемых критериев «истинности-ложности», в результате чего возникало впечатление о раздвоении логики на логику реальную, лежащую в основе процесса мышления, и логику «официальную», которая, вместо того чтобы выявлять объективные законы мышления (пусть даже не интуитивного, а концептуализированного речевого), строит конвенции и затем предписывает их мышлению «со стороны» в качестве логических законов (не обязательных к руководству и исполнению, но и не вступающих в противоречие с реальным мышлением)¹. Лишь во второй половине нашего столетия логика формально-теоретическая развилась до такой степени, что впервые становится возможным сопоставить ее генезис с ее идеальными целями и сформировавшимся характером в свете объемлющей концептуальной суперсистемы [20]. Однако процесс осуществления необходимой и объективной связи мыслей, то есть природа той самой «логической интуиции», которая имеется у мыслящего субъекта независимо от его знакомства с какими бы то ни было логическими исчислениями и составляющая действительную тайну мышления, до сих пор остается за рамками науки логики.

Отметим и здесь существование методологического обобщения понятия логики до любой системы концептуальных средств связи и вывода предложений (формул). Вообще в функциональном смысле язык и логика перекрывают друг друга, в силу чего можно говорить о логике языка (имея в виду логическую функцию естественного языка) и о языке логики (имея в виду выразительные средства логических систем). В целом же то

¹ Известно, что творцы современной формальной логики вообще не считали и ее наукой, имеющей какое-либо отношение к исследованию процесса [Cf. R. Carnap. *Philosophy and Logical Syntax*. L., 1935, p. 34]; (Ср. 21).

«ядро», которое просматривается в смысловых полях понятий логики и языка, позволяет считать их автономными факторами формирования структуры мышления, на которую, естественно, оказывает формирующее влияние не только то, как мы мыслим, но и то, о чем мы мыслим. Поэтому в качестве третьего существенного фактора можно выделить воздействие характера **универсума** объектов, с которыми имеет дело мышление. Во взаимодействии этих основных факторов определилось человеческое мышление в том виде, в каком оно функционирует сегодня, на этих «трех китах» зиждется его структура. Структурность мышления означает, в первую очередь, направленность и, следовательно, ограниченность миропонимания, усиливаемую синергическим действием вышеприведенных факторов и формированием на этой основе системы социальных установок мышления.

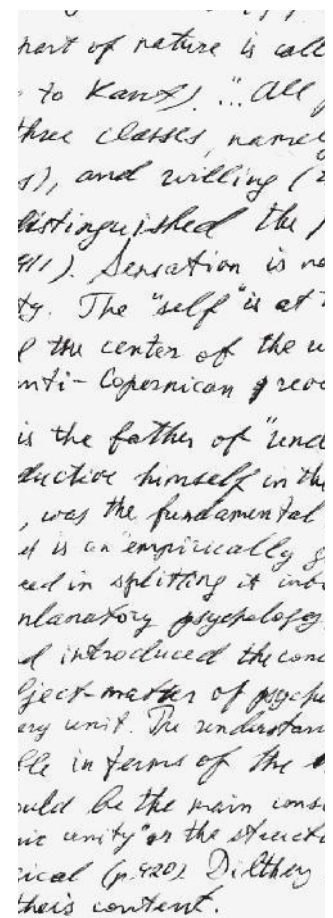
По мере того как мышление все больше теоретизировалось², триединое воздействие языкового, логического и «предметного» факторов и обратное воздействие на последние структурного (или, может быть, лучше сказать морфогенетического) фактора приобретало все более специфический характер, усиливаемый действием четвертого, **парадигмального** фактора, представляющего собой неотъемлемую и определяющую черту теоретического мышления. Парадигма в философско-методологическом понимании этого термина представляет интерес как рационализированный (хотя и не концептуализированный) результат взаимодействия мышления и сознания: это как бы «внедренный» в подтекст любых мыслительных процессов теоретического субъекта «образ» (**Gestalt, pattern**) той идеи, которая в свое время запечатлелась в сознании научного (пра-) сообщества в силу своего революционного воздействия на миропонимание последнего

² Закономерности этого процесса раскрываются во второй и третьей главах.

и, став господствующей на какой-то период основной всего «нормального» в мышлении, сама остается инвариантной. Теоретический субъект не может не мыслить парадигмами (так сказать, смотрим в книгу, а видим парадигму), пока не назреет новая революционная ломка представлений [см. куновский вариант этого процесса в 36]. Почему же теоретическое мышление не может обойтись без подобных ломок, почему оно закосневает и теряет способность развиваться изнутри?

Читатель, очевидно, заметил сходство понятий парадигмы и социальной установки. Разумеется, они не тождественны, поскольку они из разных сфер, но каждая парадигма формирует в мышлении теоретического субъекта соответствующую установку (поэтому можно выделить соответствующий тип социальной установки). Чем более дисциплинарным является сообщество, тем в большей степени мышление его членов замыкается относительно консервативных моментов в структуре мышления (своеобразное «самосохранение» или «стремление» к состоянию равновесия), и если на него не действовали бы такие же объективные, но направленные в «противоположную сторону» силы, оно неизбежно выродилось бы. Однако в силу этих же обстоятельств теоретическое мышление структурируется и унифицируется настолько, что становится возможным его моделирование.

Характерная особенность процесса замыкания мышления (не только теоретического; см. гл. 2) заключается в том, что рефлексирование все в большей степени затруднено, фактор реальности отходит на задний план и замещается оперированием конструктами (специфическими языково-концептуальными образованиями) на основе внутренних критериев. Поэтому я предлагаю общеметодологический принцип внешнего самоосознания как абсолютно необходимый для исследования

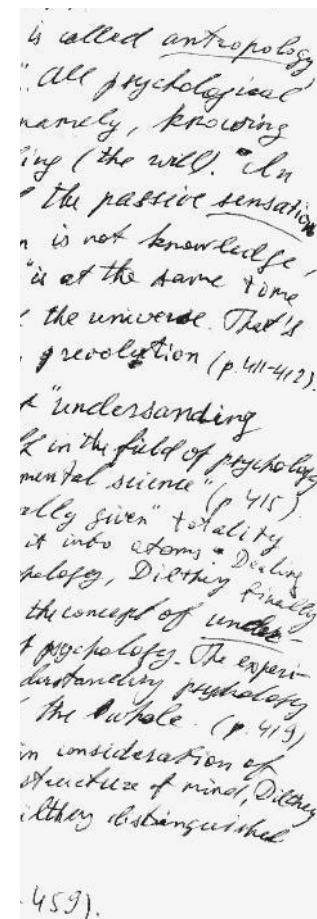

... part of nature is called
to Kant). ... All
these classes, names
(1), and willing (2
distinguished the
411). Sensation is not
ly. The "self" is at
of the center of the u
anti-Copernican proce
is the father of "ind
ductive himself in the
, was the fundamented
it is an empirically g
ed in splitting it into
planatory psychology.
I introduced the conc
ject-matter of psych
ery unit. The understand
le in terms of the
ould be the main cons
ic unity" or the structur
ical (p. 420) Dilthey
their content.

любых форм мышления, в том числе самых развитых. Здесь как раз и произойдет «отделение» мышления от сознания, культивирование «внешнего свидетеля» с целью разумного управления мышлением, о котором говорит восточная традиция; но в предлагаемом в этой книге подходе есть и существенное отличие, которое основывается на следующем обстоятельстве. Внешнее самоосознание какой-либо области мышления может иметь смысл лишь в объемлющей системе мышления, способной выполнять метафункцию по отношению к первой; поэтому снятие теоретического мышления сможет произойти лишь в системе мышления, выросшей из теоретического в синтез более высокого порядка, компонентом которого оно предстает (об этом часто забывают т. н. философы науки). И наконец, обратим внимание на то, что в отличие от идеализированных его моделей, реальное мышление включает элемент бесцельной «игры».

5. Мышление как производительный – процесс и как игра

Если к частоте и многообразию применения термина «игра» в современной научной и околонучной литературе применить «индекс цитирования», то его показатель окажется необычайно высок, чем еще раз подтверждается известная истина о том, что игры дело серьезное. Поражает обилие трактовок и интерпретаций, в рамках которых это понятие необычайно точно характеризует специфику ситуаций. Причем к «игре» прибегают в огромном большинстве случаев не для образного сравнения и не в качестве метафоры, а в качестве методологического приема, позволяющего представить в новом и оригинальном освещении те рассуждения и выводы, которые выходят за рамки стандартных и санкционированных дисциплинарным

is called anthropology
"All psychological
namely, knowing
ing (the will). "An
the passive sensation
is not knowledge
it at the same time
the universe. That is
revolution (p. 411-412).
"Understanding
in the field of psychology
mental science" (p. 415).
ally given" totality
it into atoms. Disting
ology, Disting. Finally
the concept of under-
psychology. The experi-
standing psychology
the whole. (p. 413)
in consideration of
structure of mind, Disting
they distinguished
459).

сообществом подходов. Среди уже приобретших права гражданства в науке трактовок «игры», в первую очередь, следует назвать математическую концепцию игры по Дж. фон Нейману, которая интересна сама по себе и результативна для решения ряда методологических проблем, но в то же время не охватывает многих интересных интерпретаций «игры». По мнению Л. Витгенштейна [131, с. 31], понятию игры вообще невозможно дать общего определения и даже охарактеризовать хотя бы одним общим признаком. Однако я не последую совету этого мыслителя избавиться от навязчивой страсти к обобщениям и удовлетвориться перечислением налично данных индивидуальностей, и попытаюсь выделить главные (с моей точки зрения) особенности употребления этого понятия в методологическом аспекте.

Издревле идея игры связывалась с процессом творения, что проявилось во многих религиях (например, у индуистов эмпирический мир представляет собой игру Брахмана), а в современной философской фантастике достаточно вспомнить «Солярис» С. Лема, где мыслящий Океан постоянно занят познавательно-имитационной игрой, создавая и разрушая различные структуры [46]. По-видимому, игра действительно есть то, с чего начинается любое познание¹ и в то же время игру можно рассматривать как форму отражения, проявляющуюся на ранних стадиях онтогенеза в качестве имитации эмпирической реальности, а на более поздних как высшие проявления опережающего отражения и творческого воображения. Игрой можно называть любую последовательность мыслительных актов (обычно материализованных в виде действий, если в ней участвуют двое или больше людей), свобода, которой ограничена (направлена) определенными конвенционально принимаемыми правилами и которая не имеет

¹ Это доказывается онтогенетически детскими играми и их ролью в развитии мышления ребенка; 64, 103.

осознанной материальной цели (то есть это, во всяком случае, не производительный процесс). Большая часть игр не безразлична к своему идеальному исходу (ср., однако, бросание ребенком мяча об стену или игру младенца с погремушкой), но во всех без исключения играх гораздо важнее окончательного результата является получение удовлетворения от комбинаторного испробования различных конструкций (структур действий) на основе правил. Удовлетворения от игры должен ожидать хотя бы один из участников для того, чтобы игра вообще состоялась (ведь игры бывают не только добровольными, но и навязанными).

Выделив важную особенность игры как непроеводительного комбинаторного процесса мышления, постараемся выяснить причину того, почему игры приобрели столь важное значение в духовной жизни человека и общества, что отразилось в многообразии трактовок этого понятия и частоте его употребления, и каким образом в игре сочетаются такие, казалось бы, несовместимые характеристики, как творческий характер и непроеводительность. Дело, по-видимому, в том, что процессы, носящие игровой характер, служат неотъемлемым компонентом любого спонтанного, не спланированного процесса мышления и выполняют в нем необходимую функцию. А способность к селекции информации и способов ее переработки, свойственная развитому мышлению, выработалась в результате «естественного отбора» среди множества игровых структур. Казалось бы, чем рациональнее, теоретичнее становится мышление, тем больше должны игровые компоненты в мышлении уступать функционально-системным, и в «идеале» должно получиться полностью предсказуемое, планируемое, запрограммированное мышление². Однако мир устроен парадоксально (или, точнее говоря, диалектически) и то, что превращает

2

Одним словом, осуществленная мечта формалиста, догматика и бюрократа.

мышление в строгую систему, неизбежно вырождает его в конечном счете в грандиозную и бесполезную, замкнутую в своей глобальной структуре игру, последствия непредсказуемости которой оказываются социально опасны (см. гл. 2, 3). **Homo ludens** оказывается перед еще большими проблемами, чем **homo faber**.

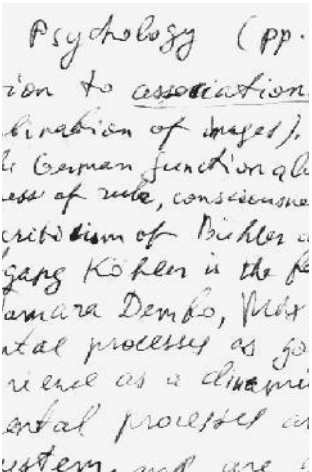
В современном понимании «игры» можно выделить три ее основные трактовки, которые подробно будут рассмотрены ниже: **лингво-семантическая, социально-психологическая и общеметодологическая**¹. Математическая концепция игр не включена сюда по той причине, что она ограничена вопросами моделирования конфликтных ситуаций и захватывает многие сферы, не имеющие отношения к играм в сформулированном выше понимании, составляя в то же время без внимания некоторые новые и интересные ее трактовки. Конечно, и перечисленные выше основные трактовки пересекаются в определенных моментах, что и делает недостаточным их исследование в рамках традиционных специально-научных подходов. Главным интересующим моментом в структуре любой игры является замкнутость последней в смысле, который будет уточнен ниже, во второй главе. Именно эта особенность игрового мышления является ответственной за многие трудности, проявляющиеся в широком диапазоне аспектов, начиная с психологии человеческих отношений и кончая взаимодействием культур и цивилизаций.

* * *

Коллективный или, лучше сказать, совокупный общественный продукт человеческого мышления выглядит чудовищным хаосом, в котором островками упорядоченности проступают в большей или меньшей степени теоретизированные области знания, от неясно очерченных «туманностей» философского до четких

¹ Которая, как ни странно, впервые была сформулирована в художественном произведении; см. гл. 3, § 1.

конструкций математического. И лишь углубившись в этот хаос, начинаешь понимать, что в действительности он представляет собой многомерную топологическую структуру с разветвлениями, «склеенными» концами и сингулярностями, отображающую реальный исторический путь становления и утверждения «человека разумного». Одной из причин интенсивного развития теоретического мышления была, на наш взгляд, идеальная потребность самопознающего субъекта развязать «гордиев узел» (за неимением возможности разрубить его) этой топологии в одномерную структуру языково и логически коммуникативного текста, упорядочить собственное мышление в социальном процессе взаимопроверки его значимости и развиваемости. Вместе с тем, теоретическое мышление приобретало и другую цель (в такой же мере идеальную, в какой и практическую) по мере того, как оно все больше изобретало возможности для замещения трудно поддающихся реальным объектам и связям идеальными конструкциями: в этом искусственном мире появилась иллюзия завершенности процесса познания. Несмотря на объективно-закономерный характер этой цели в более узком смысле – самоисчерпания возможностей (полной реализации) некоторой концептуальной базы – в глобальном значении подобная цель не может характеризоваться иначе, как патология мышления. Замыкание в конструктивно изолированном универсуме имеет побочным действием дегуманизацию науки, ее нейтрализацию под флагом объективности к возможности самоуничтожения человечества, что делает невозможным ее дальнейшее существование и исследование вне социо-культурного контекста.

Psychology (pp. 10-11)
tion to association
formation of images).
to German function of
ess of rule, consciousness
criticism of Piaget &
Gang Köhler in the
Tamara Dembo, Psychol
tal process as go
ience as a dynam
ental process as
system. and are i

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЗНАНИЕ И МЫШЛЕНИЕ

«Разве моя мысль не была еще одной капсулой, внутри которой я чувствовал, что я заключен, даже когда смотрю на происходящее вовне? Когда я видел какой-либо внешний предмет, то сознание, что я его вижу, как бы вставало между мной и им, окружало его тонкой духовной оболочкой, навсегда лишавшей меня возможности прямо прикоснуться к его материи».

Марсель Пруст¹

§ 1. ИДЕАЛЬНОЕ: НЕРЕШЕННАЯ ПРОБЛЕМА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

1. Из чего сделана мысль?

На свете нет ничего более закономерного, чем парадокс. Одним из самых ярких тому подтверждений может служить феномен человеческого сознания: то, что нам дается от природы прямо, без опосредствующих звеньев, что переживается до всякого процесса познания и самопознания и даже обуславливает самое существование последних, оказалось в то же время наиболее трудным для рационального постижения объектом. За те тысячелетия, в течение которых человечество рационализировало свое мышление, оно много раз переосмысливало понимание материального мира, продвинулось неимоверно далеко и глубоко в его исследовании, накопило громадную информацию о его строении, но при этом практически ни на шаг не продвинулось в исследовании природы или строения идеального. Теоретически это может указывать либо на принципиально недоступный для познания характер идеального, либо на порочность явно или

1

Цитата из романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» дана в переводе Ю. С. Степанова.

неосознанно принимаемых при его изучении предпосылок. Принятие первого допущения толкает к пассивности или мистицизму, исторически не оправдавшим себя; принятие же второго побуждает к перестройке фундаментальных принципов мышления, занимающей обычно целую эпоху болезненной ломки очевидных представлений и непреложных истин. Симптомы, свидетельствующие о том, что мы вполне можем находиться в начале (очередной) подобной эпохи, заставляют обратиться к корням существующих культур мышления.

К проблеме идеального восточное мышление обратилось гораздо раньше европейского. Если в Элладе наивный реализм завершил тот длительный период, когда сознание использовалось человеком в соответствии с его природным назначением, не превращаясь при этом в объект рефлексии, то возникновение буддизма в Индии было бы без подобной рефлексии просто невозможным. Говорят, что последними словами Гаутамы Будды (VI в. до н. э.), сказанными на смертном одре своим ученикам, были: «Разложение характерно для всего, что имеет составную природу... Выработайте тщательно ваше собственное освобождение» [см. 107, Buddha (Gotama)]. Эти итоговые слова человека, всю свою жизнь посвятившего духовному самоочищению и самосовершенствованию, разъясняют примерно так. Целью духовного развития каждого человека должна стать полная интегрированность, преодоление всех различий и синтезирование всех оппозиций в высшем состоянии, не ведущем ни к превосходству, ни к ущербности, но к абсолютному пониманию и любви. Достижение полного единства с природой означает открытие в себе самом своей собственной субстанциальной основы, невещественной и неразложимой, исключаящее отождествление себя с преодоленными

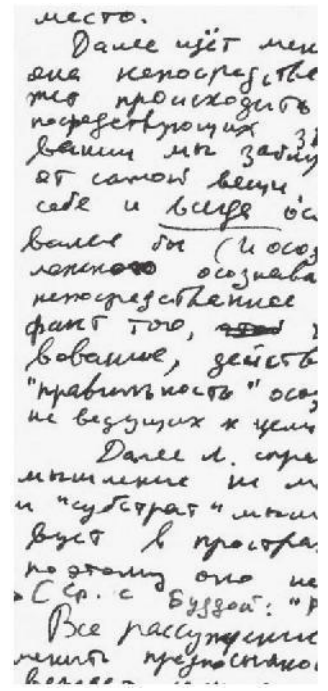
В главе I "Телесный
кавалер, т.е. Бога"
Фрэнсис Бекон Веру.
забыл её смелая, чтоб
нашу" (с. 78. Ф. Б.
книг" Сол., т. 2, м.,
вадь, как эти уж
мне было трудно,
ты и надежда на те
Винтаж" (с. 79).

В главе II "Дома
непрерывного
не только историч.
ект), которое олице
действие души. А.
деструктивные объек
ные, и парадоксальн
структурно. А
елта, а осознавая
лекции, но и, тем
непосредственно"
место.
Далее идет менее
она непосредствен

ми состояниями неполноты, неудовлетворенности и обособленности своего «я». Это невыразимое языком просветление есть осознание нерасчленимости реальности, делающее человека шире любого конца и сильнее самой смерти; но прийти к этому просветлению каждый человек должен своим путем (буддизм категорически отвергает воспитание и образование посредством передачи информации).

В отличие от буддизма, принципиально не приемлющего формы рационализированной концепции, теория идей Платона (первая и практически единственная концепция идеального в античной философии) есть результат рефлексии диалогического рационального мышления, отражающий эту диалогичность как в своей структуре, так и в содержании [теория двух миров и анамнезис; см. 66]. Для нас в рассматриваемом аспекте существенно то, что Платон говорит о внепространственном существовании идей, хотя и употребляет образное выражение «мыслимое место» (в отличие от «видимого», «протяженного» и т. п.) в качестве характеристики обиталища идей, а также говорит о примате идеи добра в мире идей.

Крупный шаг в исследовании свойств идеального (но опять-таки не его происхождения и сущности) был сделан в философии Нового времени Лейбницем, сочетающим в себе черты классика метафизической философии с чертами основоположника современной нам логико-методологической парадигмы. Произведение «Свидетельство природы против атеистов», написанное им в возрасте двадцати двух лет (1668 г.), было вполне закономерной для того времени реакцией на произведения механистических материалистов, весьма примитивно и односторонне толковавших нематериальные явления. Вторая его часть, «Доказательство бессмертия человеческой души посредством непре-

место.
Далее идет мен
она непосредстве
но происходит
посредством
вещи мы знаем
от самой вещи
себе и всего вс
вещи да (и осоз
ленила осозна
непосредственное
факт того, ~~что~~
вещи, действ
"правильность" осоз
не ведущих к цели
Далее и. соде
мышление не м
и "субстрат" матери
факт в филосо
поэтому оно не
Ср. с Буддой: "р
Все рассуждение
лишь предположи
вещи

рывного сорита» представляет не только исторический интерес.

Лейбниц рассматривает душу как существо (сущность, предмет), которое осуществляет себя в мышлении. Мышление есть, таким образом, действие души. Здесь необходимо обратить внимание на то, что Лейбниц различает действие, характеризующее любые объекты, как телесные, так и бестелесные, и движение, которое он понимает как пространственное и характеризующее лишь телесные объекты [39, с. 83]. В более позднем и известнейшем произведении «Монадология» он говорит уже не о действии, а о стремлении, которое наряду с восприимчивостью является отличительным признаком всех элементарных субстанций или монад [40, с. 416]. Вернемся, однако, к доказательству.

Мышление, по Лейбницу, есть не представление или образ объекта, а осознание того, что это представление или восприятие происходит. Поэтому мышление не может иметь частей, стадий, опосредствующих звеньев, т. е. оно неделимо, бесструктурно и неуловимо в рефлексии [39, с. 83]. Далее следует менее отчетливое рассуждение о том, что любая вещь такова, как она непосредственно осознается [39, с. 84]. Здесь речь идет отнюдь не о феномене первого впечатления, и тем более не о чем-то вроде гуссерлевского **Wesenschau**. Заблуждение и ошибка, согласно Лейбницу, может происходить лишь от окружающих вещь других вещей, ее среды, влияющей на осознание вещи, опосредствующей это осознание. Если мы все же заблуждались бы при непосредственном осознании, то это могло быть лишь по двум причинам: либо от объекта осознания, но тогда он содержал бы основу ложного осознания в себе и всегда осознавался бы ложно, либо от субъекта, но в таком случае он осознавался бы (и осознавал

ия по, то малость
19). В этом [ка
Доказательство
сорита" (с. 83-84)
опред. интерес. Л. Л.
осуществлено до
и. Л. различает дес
двух, и действие
принимается лишь
о. Мышление
навание того, что
и мерет лишь
ее "видение" ос
менее отделимое
твенно осознается
то лишь от окру
звений к ее ос
внутренней, по это
и, объекту, а то
осознавание от
осознавая бы) всегда
авание. Но здесь
се осознавание в
и то что мышле
ствие, intentione.
осознавание. Мы
или варьировать
праведно отменяет
может быть

бы) ложно всегда, поскольку носил бы в себе основу ложного осознания [там же].

В ответ на эти рассуждения естественно напрашивается такое возражение. Мы непосредственно осознаем лишь то, что мы мыслим о некотором объекте; здесь налицо существование, действие, интенция. Но сюда не входит истинность, ложность, «правильность» осознания объекта. Мы можем непосредственно осознавать массу иллюзорных, ложных объектов, а для проверки на правильность необходимо для начала осуществить связь мыслей или «вывод» из данных мыслей других, что означает сложный, структурный, «имеющий части» процесс мышления, каждый элементарный акт которого осознается в то же время как единое действие. Можно сделать вывод, что Лейбниц неправоммерно отождествил непосредственное осознание с мышлением вообще, в котором оно соответствует фиксированию субъектом элементарного действия в качестве факта. Но это не лишает ценности рассуждение Лейбница в целом, поскольку здесь раскрыт смысл феномена длящегося восприятия или, как сейчас говорят, «психологического настоящего» (психологи считают, что продолжительность этого «момента жизни» субъекта колеблется в существенных пределах, а техника медитаций вырабатывает способность управлять ею).

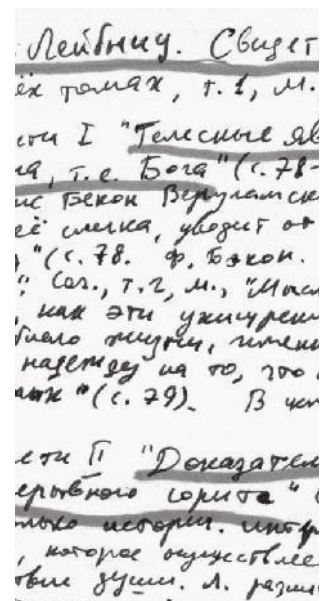
Ссылаясь на доказательство Аристотеля, Лейбниц пишет, что движение всегда имеет части; поэтому, заключает он, мышление не может быть движением; а если действие какого-то предмета не есть движение, то этот предмет не может быть телесным, поскольку тело есть то, что имеет пространственное существование. А то, что не телесно и не пространственно и не способно к движению, то не может быть способно и к разрушению, распадению, что и позволяет заключить

и Лейбницского
к догматическому
исследованию, если объек-
та не — приводит к
вечности и полноте
всего было бы бытие
от себя бытия.
добавили после
что на дарах и не-
всегда мне истинно, и
души посредством
нство, представляющее
нство (сущность, аб-
ст. Мышление есть
как телесное, так и
ст как пространствен-
нство не движется, он
объекта или объек-
одит, и вот эта не-
нство званое, это
то "вечное" нство
не быть такова, как
нство и объекта не-
н вещей, не истина,
н объектом осозн-
н истины: лишь
ложного

о бессмертии души [там же]. Из других соображений Лейбниц приходит к тому же выводу, что и Будда.

Из этого заключения немедленно следует, что душа должна, быть вечна во времени; но Лейбниц не развивает этого очевидного следствия, ограничиваясь утверждением о разрушимости всего телесного и, в частности, смертности организмов (поскольку и то и другое есть «движение в частях»), в отличие от того, что делает организмы осознающими. Признание нетелесного и одновременно временного существования души должно было, вместе с тем, вызывать определенные трудности, поскольку время Лейбниц считает таким же атрибутом телесного, как: и пространство, а вечность как вневременность считает заблуждением, проистекающим от иллюзии вневременности настоящего как дрящегося восприятия. Это явствует из анализа взглядов Лейбница, высказываемых, в частности, в пятом письме его переписки с Кларком [41]. Поэтому возникает семантическая проблема применимости к понятию «душа» предиката «бессмертный», который в этом плане ничем не отличается от предиката «смертный». Это обстоятельство не должно было укрыться от Лейбница как логика. Однако можно простить великому ученому то, что он не сумел найти адекватные категории для характеристики духовного в отличие от материального: ведь это не удавалось еще практически никому.

Свое понимание души Лейбниц уточняет в «Монадологии», где мир рассматривается как иерархия существ, наделенных в различной степени жизненным началом. То, что ученый отрицает возможность абсолютно мертвой материи, может показаться рецидивом гилозоизма; на самом деле здесь проявилась: антимеханистическая направленность всей концепции Лейб-

ница, близко подводящая его к понятию отражения, развитому впоследствии и В. И. Лениным.

Монаду, или простую субстанцию, не следует понимать как: неделимый атом, существование последних Лейбниц отрицает [39]; делимость он вообще считает характеристикой несубстанционального телесного. В то же время в существовании (абсолютно) простого он убежден на том разумном основании, что существует сложное (известно, однако, что, вопреки мнению Гегеля, далеко не все разумное действительно, а уж тем более наоборот). Монады могут быть трех видов. Во-первых, это низшие (или «голые») монады, способные лишь к примитивному восприятию, «спящие без сновидений»; такова вся неживая природа. Следующий, более высокий уровень образуют души или монады с отчетливыми восприятиями, сопровождаемыми памятью, на основе которой в поведении всего живого возникает «эмпирическая последовательность». Еще более высоким уровнем характеризуются духи или разумные монады, образующие субъекты осознания. Монада высшего порядка может оказаться в положении низшей (например, если человек находится в обмороке), но не наоборот. Наконец, высшей субстанцией (но не монадой!) у Лейбница выступает Бог, способный творить и уничтожать монады (поскольку «монада не может погибнуть естественным путем»), но который именно по этой причине не может быть отнесен к их числу: ведь монады, очевидно, не существуют по необходимости, и лишь Бог необходим, если только он возможен [40, с. 413–429]. Привлечение всемогущей и непостижимой божественной воли и Бога как высшей субстанции было для Лейбница не только средством «снятия» больных вопросов, но и ответом на потребность в характерном для склада его мышления представлении мира как актуальной (завершенной, достигнутой) бесконечности.

В классическом немецком идеализме достигли высшего развития феноменологии духа, но не появилась и не могла помниться генетика духа. К решению этой задачи приблизились Маркс и Энгельс в своей концепции идеального как осознанного бытия (*Das bewusste Sein*) и как продукта качественных изменений в чудовищно усложнившейся материи, и В. И. Ленин в своей теории отражения, дающей модель происхождения и развития сознания [56; 48; 49]. Давая обоснованную картину того, каким образом могло появиться сознание и мышление, указанные теории могли стать могучим стимулом для дальнейших исследований в области идеального. К сожалению, произошло то, против чего неоднократно предупреждали классики марксистской философии: в работах многих современных авторов произошла примитивизация диалектико-материалистической концепции идеального, зачастую с позиций вульгарного материализма, когда идеальное фактически понимается как субстрат, отделяемый в процессе функционирования мозга, либо его реальность отрицается вовсе, и идеальное превращается в некий мираж в пустыне субъективности.

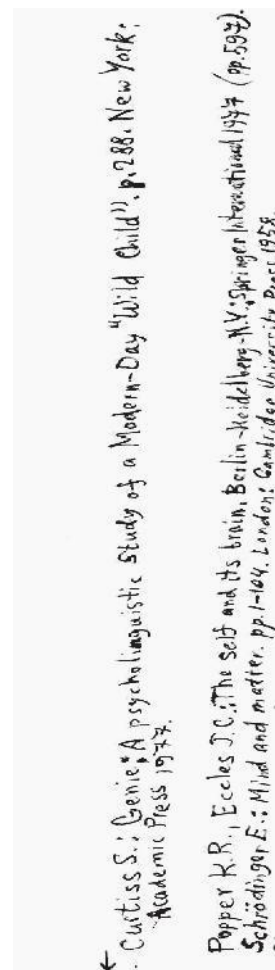
Было бы самонадеянным поставить себе целью преодоление этого пробела в философской литературе: ведь он обусловлен не только субъективными, сколько объективными причинами; однако можно расчистить для этого путь, определяя универсумы тех свойств и характеристик, которые применяются к идеальному заведомо неправоммерно. Прежде всего, необходимо поставить вопрос об онтологическом статусе идеального.

Для того чтобы на чем-то «лежало проклятье бытьотягощенным материей», это проклятое нечто должно как минимум существовать. Определение материального как объективно реального и существующего независимо от сознания предполагает субъективно

реальное и существующее в зависимости от сознания, причем как логическую точку отсчета, как более непосредственное и очевидное, чем материальное. Конечно, последовательный материализм должен все выводить из материального начала, поэтому действительно «в мире нет ничего, кроме движущейся материи»¹; с другой стороны, не менее верно и то, что «все существующее либо материально, либо идеально **Tertium non datur**» [49 и др.]. Последнее ленинское положение прямо говорит о материальном и идеальном как о двух типах реальности. Материалистическое решение основного вопроса философии утверждает примат материального, его генетическую первичность, но ни в коем случае не отказывает идеальному в онтологическом статусе: в подобном случае основной вопрос философии потерял бы смысл.

Сравнивая материальное с идеальным, бросается в глаза следующее. Все, что возникло в результате естественной эволюции, имеет структуру, отражающую пройденные этапы и состояния; в предметах материальной и материализуемой духовной культуры человечества структурность есть **conditio sine qua non**. Что же касается идеального, то мы вообще не знаем, применимо ли к нему понятие структурности (речь идет, конечно, не о «структуре» таких идеальных конструкций, в которых она является образом структуры материальных объектов-про-образов). Вернее всего, не применимо, поскольку идеальное, в отличие от материального, не формируется эволюционным путем. Если развитие материального объекта происходит путем непрерывных структурных изменений (даже перерывы непрерывности отличаются обычно лишь интенсивностью, но не по существу), то идеальное «изменяется» дискретно и глобально: раз возникнув, идеальный объект не может претерпеть эволюционные изменения в

1
Что грозит свести все нематериальное на уровень акциденциального или даже иллюзорного, если упустить из виду контекст приведенного ленинского положения, трактующий об объективно-реальном мире.

себе, но может также «разом» и исчезнуть из сознания бесследно², либо актом осознания запечатлеться в качестве элемента памяти. Целенаправленный процесс мышления оперирует элементами памяти, образуя новые идеальные объекты не вместо, а наряду со старыми. Эти соображения позволяют дать следующий ответ на вопрос в заголовке раздела: мысль, идеальное не может состоять из чего бы то ни было.

2. Где обитает мысль?

Материальное действительно образует, «заполняет» весь мир, и в этом мире нет и не может быть места идеальному: ни в мозге, ни в космосе его нет. И снова напрашивается неуклюжая фраза: материальный мир есть «внешний» по отношению к сознанию, к «внутреннему» миру субъекта. Как будто субъект есть вместилище идей, отделенное некоей границей (интересно, материальной или идеальной?) от «объемлющего» мира вещей! Архаические языковые конструкции не так безобидны, как может показаться, даже в самой что ни на есть метафорической функции: представление о различии между имманентным и трансцендентным как о чем-то четком и незыблемом так укоренилось среди философов, что существенно мешает им прийти к тому, до чего уже доходят психологи: понятиям трансперсональности, эмпатии [102, 128] и др. Где же пролегает демаркационная линия между двумя мирами, раз уж имеет смысл говорить об их существовании и отличии друг от друга их «содержимого»?

Начнем с того, что между двумя мирами, идеального и материального, осуществляется очевидный процесс связи. Не только материальные процессы (например, чувство переутомленности) способны вызывать к жизни идеальные (например, мысли о летнем отпуске), но и наоборот, произвольная, не обусловленная

² Как бывает во многих сновидениях.

материальными процессами мысль (например, выйти на площадь и прокукарекать) может заставить наши материальные конечности задвигаться и совершить определенные действия, могущие иметь весьма материальные последствия (например, в виде штрафа за нарушение общественного спокойствия). Несмотря на очевидные свидетельства относительной автономии и влияния духа на материю, представители **физиологического материализма** все еще пытаются найти в мозге кодовую запись элементов памяти, структурные изменения в результате процессов мышления и даже следы сновидений, чтобы полностью устранить фактор идеального из научного объяснения человеческой жизнедеятельности. Воздействие идеального они объясняют тем, что мысль, кажущаяся произвольно продуцируемой, на самом деле якобы точно так же обусловлена (неосознаваемыми) материальными факторами, процессами, как и мысль о стакане холодной воды при ощущении жажды. Материальные процессы, по их мнению, образуют полный цикл причинно-следственных связей, а на долю идеального остается роль побочного эффекта, образной иллюстрации, сопровождающей ничуть в ней не нуждающиеся физиологические процессы. Современный **философский материализм**, принимая в качестве установленного факта то, что продуцирование идеального возможно лишь посредством определенным образом функционирующего мозга [ср. 23], не может вместе с тем отрицать активной, творческой роли идеального в жизни человека и общества. Но все это не снимает вопроса: откуда и каким образом происходит воздействие идеального.

В качестве очередного шага к элиминированию метафор из совокупности характеристик идеального, выберем в качестве исходных постулатов два онтологиче-

ских положения, не подвергаемых сомнению в рамках основ научно-философского мышления:

П1. Все существующее либо материально («объективная реальность»), либо идеально («субъективная реальность»)¹.

П2. Пространство, время, движение являются атрибутами (всеобщими специфическими свойствами) материального.

Рассмотрим теперь некоторые очевидные следствия из этих постулатов:

С1. Идеальное не характеризуется пространственно-временным существованием и движением (следует непосредственно из **П1** и **П2**).

С2. Идеальное не может характеризоваться изменчивостью, разделенностью и ограниченностью существования, поскольку все это пространственно-временные характеристики (следует из **П1**, **П2** и **С1**).

С3. Идеальное есть единая (нерасчленимая), неограниченная внепространственно-вневременная неизменная форма реальности (следует из **С1** и **С2**).

С4. Разделенность и ограниченность существования, последовательность изменения являются атрибутивными свойствами материального (следует из **С3** и **П2**)².

Обобщающим выводом можно считать то, что к идеальному не применимы те фундаментальные параметры, на основании которых формируется привычная нам картина материальной действительности. Идеальное требует существенно иного набора характеристик, из которых на данном этапе можно интуитивно осмыслить следующие:

1) **осознаваемость** (прямая доступность сознанию субъекта и принципиальная недоступность фиксации материальными рецепторами);

1

Разумеется, это не дуализм; тут же отметим, что триализмы, вроде поперовского [69], также оказываются непрочными (чтобы убедиться в этом, достаточно проследить генезис Мира 3; см. ниже).

2

Для того, чтобы не перегружать изложение, здесь опущены несущественные энтимемы и связки; надеюсь, что и для самого привередливого читателя выводы получаются достаточно убедительные.

2) **отождествляемость** (способность порождения объекта, абсолютно идентичного данному);

3) **неанализируемость** (бесструктурность и бессубстратность).

Разумеется, автор отдает себе отчет в том, что логические отрицания знакомых характеристик здесь так же неадекватны, как и сами эти характеристики, что они лишь указывают направление, с которого необходимо свернуть, а не альтернативное направление, на которое можно было бы вступить с целью описания природы идеального, этого «знакомого незнакомца».

Мы слишком часто склонны смешивать идеальное с материализованной мыслью (например, внутренней речью), а также с процессом осмысленного восприятия эмпирических данных. «Пространственность» идеального образа материального предмета не должна вводить в заблуждение; повторенная в идеальном образе конфигурация предмета не имеет протяженности, не занимает места в пространстве, в отличие от самого предмета¹. Вообще, идеальное воспроизведение пространственно-подобных образов предметов есть наиболее примитивная из всех способностей человеческого сознания. Это давно поняли на Востоке: в частности, буддизм причисляет способность отражении элементов эмпирического опыта в идеальных образах к органам чувств человека, она образует шестое чувство [107].

Неизменность идеального идеалисты могли бы истолковать как существование идеального по необходимости и, следовательно, показатель его субстанционального характера. В действительности, идеальное примерно в том же смысле является неизменным, в каком государственный аппарат является неделимым: здесь имеет место логическое отрицание неправомерного признака в позитивной форме присвоения

1

Приведенные в «Бхагавад-гите» размеры души – одна десятитысячная кончика человеческого волоса – прекрасно иллюстрируют непространственного описания идеального. В классическом философском идеализме это выразилось в представлениях о вездесущности и субстанциальности идеального.

логически противоположного ему признака, за неимением другого выхода. Точно так же, из неизменности идеального неправоммерно делать вывод о его вечности: вечность существования есть такая же временная характеристика, как и временность существования², и поэтому к идеальному неприменимая. Что и отрезает путь к истолкованию наших выводов в дуалистическом духе.

Пользуясь опять-таки неадекватным термином (лучше выразить свою мысль плохо, чем не выразить никак), можно прийти к выводу, что теоретическое абстрагирование есть что то вроде очищения, пурификации идеального: чем дальше от наглядности, ассоциации с чувственными образами, тем в большей степени выступает специфика идеального, тем в большей степени оно вступает в свои права. Что же можно считать полноценным, полноправным представителем мира идеального? По-видимому, это идея в своем нередуцированном, «натуральном» состоянии, схватываемая интуицией развитого субъекта и потенциально значимая (ценная) для других развитых субъектов. Под развитостью субъекта я подразумеваю только и не столько образованность, сколько просветленность его, открытость и восприимчивость мышления, вырабатываемую в результате самосовершенствования личности.

Социально значимая идея в развитом сознании оказывает столь побудительное действие на последнее, что превращается в «производительную силу» как для дальнейшего развития индивидуума, так и в не меньшей степени для социума. На Востоке важность цельного развития, а лучше сказать, раскрытия личности по сравнению с обучением на эталонах и накоплением информации поняли гораздо раньше, чем на Западе. Была разработана техника индивидуальных упражнений [107, **Meditation**], ставящих целью совер-

2
См. С1.

Карл Поппер.
и., "Прогресс", 1983
П. 6 "The Logic of Science"
ссылка на фон Крэгг
микро). "Книга дает
визуальную картину
пространства, которое
является реальным
и пространству за пределами
П. 6 "Objective Knowledge"
системологии, которая
в своей сути, тем
о физических объектах
индивидуальных (индивидуальных)
субъективного содержания
идеи и провозглашение
что прежде всего теория
е провозглашение и провозглашение
и лучше спонтанно
и как-то - то как-то

шенствование индивидуальных каналов осознания. В отличие от европейского рационального мышления, восточное рациональное мышление (выглядящее с точки зрения европейца весьма иррациональным) пытается позитивно отреагировать на трудности, вызываемые невозможностью заключения идеального в рамки пространственно-временного существования. Выделяют даже семь состояний индивидуального сознания, от сна до Сознания Единства, и семь уровней коллективного сознания, от семейного до универсального (вселенского); достижение высших состояний есть осознание безграничности сознания, где полностью сливаются индивидуальное, социальное и универсальное. Попробуем разглядеть некоторые рациональные зерна в этой доктрине.

Обычное представление о формировании идеи таково: восприняв по материальным каналам и «декодировав» в своем сознании определенную совокупность редуцированных к нормам определенного типа мышления и выраженных на определенном языке идей, субъект переосмысливает их в своем индивидуальном мышлении, синтезируя новую идею (осознавая появление новой идеальной «картины») и затем, материально выразив ее, выносит на суд некоторого сообщества, проверяя ее корректность и социальную значимость. В этом «круговороте» наводят на размышление следующие моменты.

Индивидуальность сознания предполагает разделенность, обособленность и ограниченность в идеальном¹. Сознания индивидуумов рассматриваются обычно по аналогии с их черепами, в которых заключен индивидуальный мозг. Можно ли представить себе большее заблуждение? Кто может сказать, где начинается мое сознание, и где оно оканчивается, что отделяет его от сознания другого человека и где, соб-

Смысл на сознании
идеальной формы, хотя,
теперь обуславливает
культуры и мышления
"Органы чувств, так
сознания из окружения
така. Подобно в теории
к такти, которых они
Эти события не соответ
(с. 48)". "Книжечка
записи", или "фрагмент"
теперь процесс индивиду
это так называется с
самыми историческими
иными историческими
тоже так же, как не и
теоретически и эмпирически
П. в "On Symbols and
идея идеала "Объектив
ше его идеи, то может
идеи" или "проблема"
не "организмизма"
се индивидуального ду
гипотезы, которые
стать, которые на те
идеи - иными способами

1
Ср. с С2.

ственно говоря, гарантия индивидуальности всего, что появляется в моем сознании? Считается, что генетически обусловленная индивидуальность структуры мозга обуславливает и индивидуальные особенности мышления; поэтому в процессе индивидуального развития коммуницируемость и социализируемость находятся в прямой зависимости от выработки общих способов мышления с целью моделирования чужих мыслей с наибольшей возможной степенью точности. Но ведь многие мысли бывают у человека незапланированными, они вдруг появляются в сознании и либо вызывают активность сознания и памяти, либо так же вдруг и исчезают. Обычно этому дается объяснение либо в терминах неконтролируемой работы подсознательного, либо в терминах телепатии; первое объяснение относят к спорным научным, второе – к гипотетическим ненаучным. Начнем потому со второго.

По нашему глубокому убеждению, такой проблемы, как передача мыслей на расстояние, вообще не существует. Поскольку к идеальному не применимы пространственно-временные характеристики², то формулировка «Передача мыслей на расстоянии» вообще бессмысленна, поскольку содержит несовместимые термины. Идеальное не подчиняется расстояниям и его невозможно передать другому (поскольку к нему не применима и характеристика движения); но, с другой стороны, оно может просто появиться у двух индивидуумов одновременно! Любое возникающее возражение я парирую указанием на то, что оно будет основано на пространственно-подобной картине идеального. И если уж пользоваться подобными картинками, то почему бы не вспомнить о том, что существует неевклидова геометрия³, дающая прекрасную иллюстрацию того, как два индивидуума могут по различным каналам осознания выйти на одну и

2
См. С1–С3.

3
Более правильная, чем школьная.

ту же мысль? Строго говоря, субъект мысли не имеет права говорить «Моя идея», а только «Моя возможная модель идеи», поскольку идеальное постигается им как некая «сущность» его мыслей, проглядывающая за наслоениями языковых структур и чувственных ассоциаций. Но именно эти наслоения и создают иллюзию индивидуации в идеальном, которая снимается лишь у просветленных субъектов, а также при эмпатии¹. Индивидуумы, изолированные друг от друга в пространстве и времени, и даже сформировавшиеся в разных социо-культурных ареалах, могут, тем не менее, осознать одну и ту же идею, что подтверждается многочисленными историческими примерами и даже породило крылатую фразу «Идеи носятся в воздухе».

Трудно отрицать на основании всего, что было сказано, возможность интерпретации «явления» непрошеной мысли индивидууму как непосредственного осознания (разумеется, при наличии у него соответствующего «канала» осознания) результата мыслительного процесса другого индивидуума: ведь мысли не отграничены друг от друга пространством, а тем более, сознанием. (Это представляется мне единственным разумным смыслом, который можно вложить в термин «телепатия»; Что касается управления мыслью с целью переадресовывания ее другому сознанию, то это означает приписывание идеальному пространственного движения и обособленности: ср. **С2**). Отождествляемость как особенность идеального в отличие от материального как раз и означает, что осознание двумя идентичных мыслей есть не что иное, как одна мысль на двоих осознающих, а это и есть сознание².

Рассмотрим теперь тот **вариант решения проблемы**, по которому непрошеные пришельцы в сознании есть не что иное, как результаты подсознательных психических процессов, «выдаваемые» на суд «я». Боль-

1

Мать действительно может угадать мысли своего ребенка, и наоборот, влюбленные могут почувствовать на расстоянии изменения в отношении одного из них к другому и т. п.

2

В свое время Э. В. Ильенков подметил разницу между двумя значениями понятия «общность». Это может быть общность черт у двоих, определяющая их принадлежность к одной этнической группе. Но это может иметь и тот смысл, в котором в некоторых этнических группах у двоих мужчин может быть общая жена.

шая часть психологов уже пришла к общему мнению о том, что существуют неосознаваемые мыслительные процессы, протекающие по особой логике и на особом языке, не контролируемые сознанием, которое способно лишь строить их интерпретации, но выполняющие необходимую функцию в деятельности сознания. Чем оперируют эти процессы? В этом нельзя быть до конца уверенным, поскольку сознание способно узнавать лишь элементы памяти, следы прошлых непосредственных осознаний, все остальное пройдет незаметным, неузнанным. А ведь в сновидениях у нас часто есть уверенность в узнавании предметов и ситуаций, которые после пробуждения представляются нам абсурдными. Не исключено, что это ложная уверенность; гораздо вероятнее, однако, что во время сна снимается селективность осознания, вырабатываемая в процессе социального формирования личности, и мы осознаем целый хаос нередуцированных впечатлений.

В последние годы в психологической литературе появляются трактовки подсознательного как надсознательного, сверхличностного и даже социального. Это переосмысление еще раз наглядно демонстрирует относительность понятий «внутреннего» и «внешнего», личностного и внеличностного, индивидуального и социального в человеке. Это точно и компактно выразил Маркс в своих понятиях социального сознания и социального субъекта. Вместе с тем, многие современные философы искусственно отрывают друг от друга социально идеальное (наводя на него туман) и индивидуально идеальное³, создавая тем самым новую псевдопроблему их взаимоотношения, генетического и логического приоритета и связи между ними.

Возвращаясь еще раз к Лейбницу и его монадам, вспомним, что одним из самых темных и многообразно интерпретируемых мест в «Монадологии» является

3

Изолируя его наподобие мозга в черепе.

то, что монады, «не имея окон», отражают в себе весь универсум. Замкнутость монад в себе образует модель, интересующую нас по многим причинам, и нам не раз придется к ней возвращаться; а сейчас отметим то важное обстоятельство, что Лейбниц, отрицая существование атомов [39] и формулируя принцип неисчерпаемости материального [40, с. 425], находился в то же время под таким сильным влиянием атомистического мировоззрения, что допустил плюрализм в монадах (из которого попытался найти выход в том, что монады представляют собой результат происходящей время от времени божественной эманации). Лейбниц не такой последовательный объективный идеалист, как, скажем, Гегель или Шеллинг; он, скорее методолог-рационалист, и в этом его преимущество. Поразительно, но философия абсолютного единства, развиваемая в рамках Восточного мышления, сумела (правда, в русле иного типа рациональности) преодолеть как атомизм и плюрализм, так и гипостазирование сущностей, свойственное традициям европейского мышления.

Из приведенных выше соображений с не меньшей очевидностью, чем неограниченность и необособленность сознания, вытекает и то, что память субъекта не может иметь определенного объема, она безгранична¹. Иллюзия определенности и ограниченности объема памяти коренится опять-таки в представлении о сознании и памяти наподобие разных блоков одного и того же компьютера. И снова возникает тот же законный вопрос: поскольку можно считать выясненным, что не существует пространственно-временного вместилища, куда бы мы прятали свое идеальное «имущество» от посторонних глаз, то на каком основании мы принимаем за очевидный факт наличие у разных людей разных... даже язык сопротивляется тому, чтобы употребить слово «память» во множественном числе. Логически в све-

1 Не в смысле бесконечно большого объема, а в смысле отсутствия границ.

те приведенных рассуждений невозможно исключить того, что память, возможно, на всех одна, и неприкосновенность нашей «личной» идеальной собственности базируется лишь на существовании персонального к ней ключа в виде особенностей физиологии мозга и структуры мышления, пока такой же ключ не окажется (случайно или не случайно) у другого субъекта. В этом свете можно переинтерпретировать множество явлений, от эмпатических до шизофренических². Вспомним и тот уже признанный факт, что процесс обучения и самообучения не покрывает того качественного многообразия информации, с которой мы тем не менее умеем оперировать. Трансперсональность, а возможно, и интерсубъективность памяти проявляются в сновидениях, под гипнозом и вообще в измененных состояниях сознания. Что касается вопроса в заголовке раздела, то теперь уже можно не осторожничать, подготавливая читателя логическими отрицаниями того, что на самом деле начисто лишено смысла.

3. Возможен ли синтез новой мысли?

Из сформулированных в предыдущих разделах выводов может сложиться впечатление, что отрицание движения и временного порядка в идеальном должно вести к пониманию сознания как чего-то застывшего, не развивающегося. Однако существование различных состояний сознания, позволяющих отличить более развитое сознание от менее развитого, можно считать не менее очевидным фактом, чем сам факт существования сознания. Если принять в качестве безусловной левой границы смерть как отсутствие сознания, то вправо от нее можно расположить, так сказать, шкалу состояний сознания, в которой обморочное состояние и сон без сновидений будут располагаться недалеко от левой грани, но безусловно левее сна со сновиде-

2

Например, раздвоение личности с информативными переключениями мышления.